

Вологодский литературный альманах

№ 7 - осень - 2002

С
Т
Р
Е
К
О
З
А

валерий архипов
дмитрий гасин
алекс гарридо
александр дудкин
яна долинская
юлия клюкинова
андрей коков
ольга кузнецова
андрей кузнецов

андрей наугольный
руфь рафалович
иван смирнов
екатерина соболева
ната сучкова
андрей таюшев
навел тимофеев
сергей фаустов
антон черный
александр шаранин
галина шекина

Вологодский литературный альманах

СТРЕКОЗА

№ 7 - осень - 2002

Заоблачный коктейль 2-4

В. Архипов, Д. Гасин, А. Гарридо, А. Дудкин,
А. Кузнецов, А. Коков, А. Таюшев

Поэзы

Антон Черный (Вологда) А потом как даст! 5
Иван Смирнов (Вологда) Vers Libre 6
Ольга Кузнецова (Вологда) Тепло наощупь. Осенний день 7-8
Наташа Сучкова (Вологда) Коричневый лед 9
Екатерина Соболева (Москва) Переход на Охотный 10-11

Хроника

Сергей Фаустов (Вологда) Глагольный самообжиг 11-14
О новых конкурсах 14
Галина Щекина (Вологда) Московский дневник 15-16

Прозы

Андрей Наугольный (Вологда) Под знойным солнцем бытия 17
Ольга Кузнецова (Вологда) Особенности ейского романа 19-20
Антон Черный (Вологда) Новелла с интертекстом 21
Александр Шаранин (Вологда) Толик и книги его матери 26-27

Драм/машина

Яна Долинская (Москва) Невинные коники 22-25

Ожерелье цербера

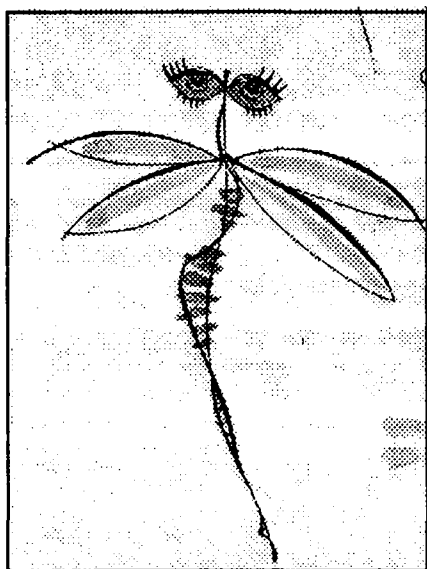
Руфь Рафалович (Вологда) Две рецензии на вологодскую тему 25
Андрей Наугольный (Вологда) Синдром Саканского 27-28
Сергей Фаустов (Вологда) Икона-трансформер 29-32
Юлия Клюкинова (Вологда) Бензиновые разводы 32

Vologda OnLine 33-36

Редколлегия: Павел Тимофеев, Антон Черный, Галина Щекина
Главный редактор - Наташа Сучкова

Нам помогали художники:

Александр Канченко (страница 1 обложки)
Рина Кондрашова (страница 4 обложки)
Александр Канченко (страница 6)
Елена Демидова (страница 19)
Надежда Черкасова (страница 22)

«стрекоза» надежды черкасовой

в номере опубликованы работы художников - елены демидовой александра капченко
рины кондрашовой надежды черкасовой

валерий архипов (вологда)

В МЕРТОВОМ ОЗЕРЕ

В мёртвом озере печаль,
словно звёздочка, купалась,
ты приходишь невзначай,
будто вовсе не прощалась,
будто не было вины
легендарной и дебелой,
чёрный-чёрный диск луны
лёг на бархатное тело.

В мёртвом озере печаль,
словно траур по Европе,
ты ушла, как месяц май,
захлебнувшийся в сиропе,
ты ушла; пропал и след,
лишь качнулась тихо люстра,
и простреленный портрет
закричал, что он – искусство!

ЛЕТЯЩЕЕ

Бежит безумный рикша
бежит

бежит

бежит

и колесо у рикши
переднее дрожит,
а заднее бесспорно
не требует забот
красивый, будто орден
восход

восход

восход

Бежит летящей тенью
красивейшая дочь,
а мне в глаза – виденье
лебяжья стая – прочь
из шелеста и дыма
летящая стрела
ведь ты была любима
была

была

была

А когда ты пришла на рассвете, то ли боль, то ли хмель хватая,
Он подумал, что это ветер обнимал тебя дорогая.

А когда ты пришла под вечер, он стелил тебе поцелуи,
И шептал как посол на вече – «я тебя все равно ревную».

А когда ты пришла ребенком на порог в вышитой сорочке,
В голове его звонко-звонко полетели тире и точки.

А когда он пришел усталый, и сказал, что путь его пройден,
Ты дала ему роль вассала, и сказала – «какой ты гордый!»!

А когда он пришел как быдло, ты хлестала его по роже,
Мне казалось, что это было между Алой и Белой Розой.

А когда вы скрестили шпаги, зарядили ядрами пушки,
Со стены на листке бумаги хохотал как ребенок – Пушкин.

дмитрий гасин (москва)

Не будет мне дано иного знака -
Увижу старый деревянный дом,
А мёртвая любимая собака
Мне улыбнётся и вильнёт хвостом.

Мы соберёмся все в резной беседке
И радиолу выставим в окно.
Найдётся место дворнику, соседке,
И с музыкой в саду не так темно.

Ночь дышит влажной свежестью в затылок,
Шаги и смех несутся со двора,
Огонь блестит на горлышках бутылок...
Мы разучились ссориться вчера.

Войдёт отец, обнимет крепко-крепко,
До хруста сладкого и скажет: «Здравствуй, сын!»
И счастье будет цельное, как репка,
А не по долькам, словно апельсин.

Я помню предпоследний день Помпеи.
Мы знали всё. Я отпустил рабов.
А люди шли по площади и пели.
Знакомое, но не слышать слов.

А был ли дождь? Нет, не было дождя...
И я накрыл в саду уютный ужин.
А ты, с которой столько лет был дружен.
Пришла ко мне немного погода...

Вот так всегда! И россыпью черешни
На синей скатерти запомнился закат.
Приходит день – а я не безутешен,
Проходит день – и сумерки цикад

Немолчно убаюкивают вежды.
Последний ваш, о боги, дивный дар:
Усталые одежды снять однажды
И ждать зарю, которая – пожар!

алекс гарридо (калининград)

Он видит, что лето жестоко: пощады не жди.
И беды крепчают, как в чайнике черный настой.
До осени. Боже, тихонько его проводи.
до ласковой осени, смерти ее золотой.

Ничто перед нею спокойствие Фив и Микен.
Ничто перед нею смиренных погостов покой.
И станет собой, кто был целое лето никем.
и близкое небо рассеянно тронет рукой.

И будет ему не по вере его – по любви,
поскольку любовь драгоценнее прочих заслуг.
И неба не выпустит он из немеющих рук.
И к осени Ты, как к служенью, его призovi.

кого зову не зову никого зову
кто полюбит меня кто успеет пока живу
кто торопится кто там кто так спешит ко мне
чтобы услышать и умереть
а на меня и не надо смотреть
слышишь
как эхо среди камней
голос мой вторит себе самому
что почему разобрать нелегко
ветер уносит его далеко
но слушай
за руку хочешь возьму
приведу к себе кратчайшим путем
не толкованием толку ли в нем
тишиной и безвидностью и на фоне
тишины и безвидности как на ладони
голос мой виден ясным огнем
я в тени огня
не надо смотреть на меня

александр дудкин (кадуй-вологда)

И вспять, и впредь, все так обыкновенно
Все повторяется – без счету повторять -
Любое небанальное суждение .
Банально. Возвращаемся опять:

Стихи не получились жизнь устала
Бредет в потемках полная луна
Касается земли и светит мало
Настойчиво лишает нас ума

Мольбе тишайшей эхо вторит криком
И гулким долгим грохотом войны
Леса горят, огнем хохочет лихо
Полощет ветер мятый флаг страны.

андрей коков (финляндия)

Время ... его так мало. Крыльями машет день.
В темной воде канала зыбкая дребедень
неба, деревьев, зданий. Время привносит в речь
паузы ожиданий новых разлук и встреч.
День обратится в тени и завершит свой круг
в нежном переплетеньи наших с тобою рук.

УЛАН-БАТОР – ПЕККИН

Очередной перегон,
стакан горячего чая.
На крыше вагона дракон
крылом стрекозы качает.
Как в Хуанхэ вода
немыслима без переправ.
так рисовая еда
ничто без пряных приправ.
Копишь Ци (или Чи)
тысячу лет с трудом -
не чтоб дробить кирпичи
ладони ребром
или лбом.
Мы обошли недаром
по грешной земной пыли
путь в тысячи ли
приближения к Дао ...
Приземлилась устало
стена на хребте земли.

андрей кузнецов (вологда)

«Пора бы бросить пить, давно пора», -
Меланхолично думаешь с утра.
За куревом дрожащею рукой
В загаженный карман полезешь свой.
Найдёшь бычок и счастлив. О, мой друг,
Как он однообразен, наш досуг!
Вино и карты. Вечная «бура».
Простая, но изящная игра.
К тому же не на деньги. Денег нет.
Есть радио, орущее чуть свет
О бомбах, о спортивных новостях,
О достижениях в разных областях
О космонавтах, рвущихся в полёт...
Кто ж наши достижения воспоёт?
На улице весна. Стрекошет стриж.
Ссутулившись, на стуле посидишь.
И классика невольно вспомнишь вдруг:
«Куда ж нам плыть?» - «За пивом, о мой друг».

ТОМАС ХАРДИ. ЧЕРНЫЙ ДРОЗД (перевод с английского Андрея Кузнецова)

В том безлюдном лесу и глухом,
Где раздолье лишь серым теням,
Неподвижным и смутным зрачком
День угрюмо смотрел на меня.
Ветви чёрные корчились там –
Словно змен справляли свой пир;
И тянулся к своим очагам
Весь продрогший, измученный мир.
Умер век мой – и мёртвый лежал
В сером склепе из снега и тьмы.
Он давно приготовился, ждал
Беспощадно-суровой зимы.
Не найти под зажатой рукой
Затухающий путь бытия...
Безразличный, надменный, глухой.
Этот век – он такой же, как я!
Но внезапно счастливая трель
Где-то рядом послышалась мне.
Перепутав декабрь и апрель,
Чёрный дрозд заливался во тьме.
Был он мал, непригляден и весь,
Весь взъерошен – и мне не забыть.
Как неслась над землёй его песнь,
Славя наше желание – быть.
Славя наше желание – петь,
Никому, ни о чём, просто так,
Над холодной вселенной звенеть –
Пусть бездушна она и пуста,
Тайну светлую в нашей судьбе
Ты узнал – и поведал навзрыд
То, что ясно пока лишь тебе.
Что нам вскоре узнать предстоит.

андрей таюшев (вологда)

..И август догорел сухой соломой
На резком и пронзительном ветру...
И выпив кофе рано по утру
На улицу выходишь ты из дома

И ничего вокруг не узнаешь.
Выстукивает сердце кастаньетой
Безумный ритм. Осенний мелкий дождь
Разительно несхож с дождями лета
Листва лежит на мокрой мостовой
И обложной туман заполнил город,
Размыты краски, контуры, и твой
Усталый мозг пронизывает холод.

Осенняя шальная стрекоза.
Изящная, забывчивая дама,
Концу тепла не верила упрямо,
Порхая по веранде дачной, за
Которой сад, запущенный, как чаша,
Дождь впитывал и сумрак сентября,
И листьями, как временем соря
Напоминал всё чаще нам и чаще
О кончившемся лете, к чьим губам
Уже напрасно зеркало подносим:
Ведь знаем, что не отразится там
Его дыханье - наступила осень
Календарю согласно и точь-в-точь
Как Тамерлан овладевает миром
Внезапно и стремительно... Чифиром
В саду густеет и чернеет ночь.

Снова лаптем хлебаю я щи
Октября, его неба и солнца
Сердце птицею пойманной бьётся,
Так, что клетка грудная трещит.
Никого не виню, не кляню
Мне б с самим бы собой разобраться:
Средь развала своих декораций
На придуманной сцене... ну - ну...
Не берёт пассажиров троллейбус ночной
Я мотаю пешком километры
И вдыхаю - дыхание ветра
Осени, жгучей, хмельной, золотой
Ослепляющей красной и рыжей листвой
В общем, лето ещё, бабье лето.
Что ж ты бродишь по улицам где-то.
Сам как будто не свой?
И куда б ни направил ты шаг,
На какой не вступил бы ты берег.
Все богатства обеих Америк
Всё равно не заполнят никак
Одиночества. Сам его факт
Не зависит от места и денег.
И эпохи иной современник
С новым веком ты дышишь не в такт.
Приходя к себе в полночь устало
Тушишь свет и ложишься в кровать.
Зарываешься под одеяло.
Говоришь сам себе: надо спать!
Это осень меня доконала!
Только в мыслях - всё та же фигня,
Как мотивчик заезженный старый,
Снов давнишних ночные кошмары,
Искажённое зеркало дня.

антон черный (вологда) А ПОТОМ КАК ДАСТ

З а д а ч а в д в а д е й с т в и я
 Вася плюс Люба равно любовь.
 Сколько ещё будет таких Люб?..
 Проспекта прямую пересечена собой.
 Вася в квадрате двора возводит себя в куб
 Дома. Замирает. дальше не смея.
 Задумался. Челом – просто Аристотель.
 Предчувствует – она скажет ему жестоко:
 «Noli tangere circulos meos!»
 Проходит полгода. Из многоэтажки
 Он вылетает, отчаянно налегке.
 Из точки «А», страстной, протяжной,
 Она послала его в точку «Хэ».
 И ночью он силится провести
 Плоскостью бритвы сечение линии крови.
 В ушах стучит формула безответности:
 Вася плюс-минус Люба равно любовь.

15 мая 2002 г.

М о и М и ш к а

Где-то там. в соседнем доме.
 Уронили Мишку на пол.
 Он барахтался, влекомый
 Волосатой взрослой лапой,
 Он кричал и отбивался.
 Терял за пёстрый галстук
 Своего мучителя,
 Но тому простительно,
 Как и всем серьёзным папам,
 Отрывать медведю лапу
 Долго и мучительно.
 Нитки мишкины трещали,
 Куклы из угла пищали:
 «Мама! Мама!» Просто драма.
 А не просто шалость.
 Оторвали Мишке лапу,
 Уронили Мишку на пол.
 Он лежит вдоль половицы,
 Плачут пуговки-глазницы.
 Где же дети? Где же сказка?
 Где же добрая развязка?

18 июня 2002 г.

Р ё б р а

Н.Р.

Оно всегда таким было –
 трепыхалось то реже, то чаще,
 упругое, жизнь источающее.
 Однажды тревожно застыло...
 А потом как даст!
 Девятое не даст соврать –
 чуть не сломало нас.
 грудину едва собой не разорвав.
 А потом от мозгов пошли слухи.
 Дескать. наш-то дурак влюбился.

а оно как давай биться!
 Это был, конечно, не первый случай
 влюблённости в нашей рёберной жизни,
 но в этот раз что-то уж больно капризно
 повёл себя этот кусок мяса:
 то еле дрожит. к спине прислонясь.
 то замечется. как в клетке. забудётся об нас.
 не боясь ушибиться или помяться.
 Сказывают, когда-то один шутник,
 на разные шалости и выдумки скор,
 в хозяина нашего незаметно проник
 и ради хохмы ребро спёр.
 И вот каждый раз. как ребро украденное
 увидит, становится сам не свой:
 и сердце своё загоняет ради него. и всё своё
 естество.

Ну и что? я тоже ребро, предположим,
 но я ж не требую такого внимания.
 Да и вообще, на что это похоже?
 Ребро как объект обожания!
 Но даже если ни причём здесь рёбра,
 всё равно. повелевающее человеком всем.
 это сердце – самый вредный орган.
 Больно уж много от него проблем.
 Из-за каждой юбки устраивает бойню.
 Не умеет жить, как мы. - спокойно.
 Ведь, белея в земле, омыты дождём,
 мы подоле него проживём.
 Всё долбит по нам, думая выскочить в щель.
 Короче, ведёт себя безобразно.
 И во всём, наверное человечьем теле
 хуже нас приходится только тазу.

25 апреля 2002 г.

У т р о

Повернусь к тебе. тихонько дуну,
 спугивая пух пыльцы с лица.
 Что-то еле слышное подумаю,
 избегая знаков восклицания.
 И замечу, как смешно и просто.
 словно древа потаённый сок.
 сквозь альпийски выгнутую простынь
 проступает розовый сосок.
 Тянешь руки. ёжишься плечами.
 ловишь блики первого луча
 и ладони, как весы, качаешь...
 Где я? На какой из этих чаш?

13-14 мая 2002 г.

☺ **Антон Черный** - финалист конкурса
 Илья-Премия-2002. Готовится к выходу
 его вторая книга "ФОРЗАЦ". Представляем
 вашему вниманию стихи из этой книги.

ИВАН СМИРНОВ!
VERS LIBRE (ЦИКЛ)

1

СКОТОБАЗА

Моя любовь сдохла, когда ей было
всего пять лет отроду.
Смерть наступила в хлеву сердца
с повышенной мечтательностью,
на которое я окончательно оформил все права
ещё семнадцать лет назад...
...Любил тебя сильно. Твои широкие кадки-
глазища
выпить желал губами. Перебрал...
Моя любовь скончалась от бешенства,
а я жив и полон её слёз.
Твоё парнокопытное рыло не могло научиться петь
—
оно и говорить не умело!
Моя любовь сдохла...
А ты жива; глупо жрёшь свои кислые яблоки,
обираешь малину.

Скоро бабушка-хрюха приведёт свата-жениха,
быка из соседнего племени.
В её старом засаленном фартуке застрял
пожелтевший блокнот,
где тупым карандашом расцарапана
вся твоя тщедушная жизнь.

Не жизнь – СКОТОБАЗА.

2

ВСЁ ОТЛИЧНО В МОЕЙ НУТРИ!

Ежедневные приветствия из быта! –
грязные носки,
жирные тарелки,
кресло, имя которому

стул с тремя ножками...
Пудель, имя которому...
Снова лужа на моём ковре!
Мигающее солнце считает нас отбросами...
Мне наплевать –
зажгу свою керосиновую лампу,
встречая лунный рассвет.
Некуда идти...
Но всюду – мечтать!
Искать окно в надежду!
Всё отлично в моей нутри!

3 Ш О У

Миловидные мордашки с мармеладным голоском
скачут по сцене, словно пластилиновые гномы,
мотая своими пудренными головами:
туда-сюда-туда-туда...
Теперь я понимаю, что значит сдохнуть.
Сегодня ты – секс-символ и богач, завтра – лох,
венерично-истерично больной,
нервно мотающий вместоголовой тыквой от
Хэллоуина!
туда-сюда-туда-вникуда...
Теперь ты понимаешь, что значит сдохнуть?!

4

О П Е Р Н Ы Й Х А О С
(O P E R A H O U S E)

Невообразимый зал великий шум творит,
лишь запоют они своим дрожаше-сильным
тенориссимо!
Неправда ли? Так дорого и так престижно,
когда все эти страсти наносят визит твоей душе!
Короли и благочестивые дамы их сердца
аплодируют своим любимым игрушкам,
заводят их золотыми ключиками,
и те снова и снова играют «жизнь»,
вещая в пустоту
своим дрожаше-гордым тенориссимо...

ольга кузнецова (вологда)

ТЕПЛО НАОЩУТЬ

Как все поздно -
 Даже сказать не знаю что...
 И за себя прежнюю стыдно,
 И за тебя неудобно -
 Поверил мне, дуре вчерашней,
 А я уже поумнела,
 Выстудила все,
 Что напридумывала.
 И что - будем оба безумье длить?
 Рубить хвост кошачий
 Жалеючи.
 Лучше бы курила -
 Ужас удобно прятать в кулак.

Вот и все - вакуум появляется,
 всасывает все, что ни попадя.
 Листья как мусор и деньги как листья.
 Я сопротивляюсь - пока.
 Упираюсь ногами, руками,
 тело, как дерево, ветер сгибает.
 Но лицо уже повернуто
 Навстречу.

Дым или туман...
 Мне лапку, хотя бы одну, из болота вытащить,
 Соломинку ею нащупать.
 Курили мы в детстве соломинками,
 Поджигали их от головешек,
 Не жалели соломинок, вечно жить собирались,
 А мечтали не больше - не меньше: о трубках мира.
 И ресницы себе палили.
 И на щеке потом долгий жар хранился,
 и горечь во рту.
 И клялись не рассказывать родителям
 - больше не пустят к кострам,
 без которых - ну что там за счастье?
 Где вы, соломинки детства?
 Хотя бы одна,
 самая короткая...
 - Дымом, туманом. полями далекими...

Буду сбитой бабочкой мучаться -
 Долго тарашиться на свет в конце тоннеля
 и поднимать уставшее тельце,
 и морщиться от боли в глазах,
 и слезы нечем вытереть,
 и царапины на брюшке не замечать,
 пока добрые руки йодом не смажут.
 Смогу - я ведь крутая, это сальто крутить
 без поддержки.
 "Привет", - сказать сухо, будто и не рада,

и в глаза посмотреть - почти равнодушно,
 и сердце заставить биться ровно,
 и легко руку подать.
 и тебя усыпить, успокоить, словно
 все так и будет,
 и выслушать все, и замечание вставить,
 кстати и ловко - всегда так умела,
 А эта благодарность моя - за то,
 что уйдешь, знаю,
 ровно за миг до того, как заплачу.

Да не пугайтесь, Вы,
 не прячьтесь.
 Ведь я добрая, и этот туман вокруг -
 только дымовые шашки,
 которыми деревья окуривают,
 чтобы не застудить,
 или боевые объекты - чтобы засекретить.
 Вот и я - для маскировки.
 чтобы не разглядели мою новую морщинку,
 не расшифровали ее
 ни друзья, ни враги.
 Ведь тайны, даже и невоенные.
 а все равно никто хранить так и не научился.
 От этого и холодно на свете -
 поневоле полюбишь дымы...

Как две вороны,
 будем сидеть молча и нахохлившись -
 воротники подняв вместе с плечами,
 обнимая каждый себя крыльями.
 хвосты поджав так, что их и не видно.
 Неподвижными глазами будем
 движение снега зеркалить -
 не впускать холод в себя.
 Зимовать...

Последнее яблоко.
 счастье горьковатое,
 среди потемневшей листвы.
 Манит.
 А мне уже -
 не дотянуться.
 И на чужих заборах
 штаны рвать -
 не забава теперь.

Ракушку нашли в отложениях ила,
 сверху времена на нее
 пластами слались,
 метрами.

Геологи возраст сказали,
но я не поверила -
350 тысяч лет
какая душа
без света вытерпит?

Вот так и будем искать тепло наощупь,
Вслепую тыкаться в молочко дня.
Блаженно не замечать ухмылок.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

восемь стихотворений одного дня

*Весь в иглах парк. И ветер укололся.
Собаки опасаются железок,
И что-то нюхают,
надеясь не вступить....
Секвойя проросла сквозь эти страхи.
Над гаражом ее упрямый зонтик засветился
Как раз на уровне окна.
И в доме утро.*

*Череда домов - деревянных со ставнями.
И резной палисад - не из жизни - из песенки.
Будто музей под открытым небом!
И бабушка на скамейке - как экспонат.
Но она - экскурсовод по минувшему времени.*

*У реки выступили ребра - нет дождей.
Серые отмели царапает ветер пересошим
языком.
Старому мосту чудится,
что затонувшая весной лодка -
всплывает.*

*Студеная вода светлеет с каждым днем
от желтых листьев,
упавших в черноту и вечность.
Жирный налим с трудом нашел темную яму и
счастлив*

*Босиком - слишком холодно.
А в резиновых сапогах ходить по воде*

*никак не удастся.
По дну хожу,
Оставив мутный след от поднятого ила.*

*Встать на крыло как гадкому утенку
Отчаянья недостает.
А завтра станет лед на нашей речке.*

*Осенний день. Иголки сосны и те
в задумчивости - пора лететь.
Только куда, куда?
Ложусь на левое крыло.
Последний раз летаю кругом.
И завтра, завтра...*

*Люблю губами трогать
твои волосы русые.
Знаю, счастье - есть.
Оно - рядом, вот в этой комнате
с тюлем как облако, холодным от форточки.
Рядом с хищной собакой рыжего цвета,
уши которой похожи на две рукавицы.
Милый, меня знобит.
Лоб горяч, губы сохнут.
Что это - любовь, страсть?
Студить лоб о стекло?
Дышать, зная, что никто не поможет?
Никого еще не смогли спасти от
сердцебиения.*

*Ловить капли тишины и не знать, и быть
неловкой.
И этот мед на душе, и нечаянная радость
от встречи руками.
И губы ищут слепые, и руки становятся
слепыми.
И воздух вязким. И ты светлый, и лицо твоё
вблизи не вижу
но узнаю. И пальцы хотят быть нежными.
И ты ловишь руки мои, изучаешь судьбу по
ладони,
И врешь, и зовешь улетать - вместе.
И я смеюсь - зря и совсем некстати.
И даже успеваю вспомнить или
подумать - такого уже не бывает.*

-22.09.99 г.

наташа сучкова (вологда)

BRAUN ICE/КОРИЧНЕВЫЙ ЛЕД

КОЛА-КОФЕ

Кола-кофе
 ступеней профиль
 из ковролина
 впечатанных в пол
 на полвторого
 стрелки отметина
 в макдональдсе
 осень
 случается редко
 ибо не курят
 ибо не пьют
 ибо почти не плачут
 сложно привыкнуть когда
 все велух -

лгут
 или сдают сдачу

Кола-орел
 мне нравится профиль
 в зеркале заднего вида
 жалко что плохо видно
 какого цвета глаза
 когда их прячут
 даю сдачи
 желаю удачи
 Осень
 в бигмачке оставлена -
 в зеркале заднего вида
 бардак в бардачке
 и открыта
 точно бутылка колы
 - дым коромыслом приколот! -
 (залпом ее - до дна)
 зима

НЕ КУРИ

не кури говорит покуда
 с тобой проживу-побуду
 подарю тебе чуду-юду
 в дветьщи бог знает каком году
 не разменивайся на ерунду
 и ваще поехали в Крым
 в город мой отчим в год побратим
 да ну их тут всех да и хрен с ним
 Я пускаю дым
 смену длиною в вечность
 заканчиваю в полночь
 под ладонью ворсинки-иглолочки
 кириллицы на книжной коре
 Я говорю тебе
 вот только не надо мне тут дурить
 орать курить-некурить
 льда разносить осколки глыб
 катись на свой Казантип
 корюшку в банке ловить
 вот только не надо мне говорить
 решать курить-некурить
 корить за выдох за вдых
 малины с чужих чаевых
 Бордовой не надо

след у тебя на шее
 краски вина агдам
 я тебя еще как отдам
 стриженным короткоперстным
 в широких как парус птанах
 сидящим тут по тебе

думать о ерунде
 и так по детски, по де...
 Засыпаю щекой на воде

черепаха пьет кола-кофе на <http://www.stihi.ru/author.html?ctrekoza>

Стиш сверхусложненный. Для чего применяется усложнение? Для шифровки того, чего нельзя сказать велух, и тут же - подтверждение -- не люблю велух. Но если нельзя говорить, а хочется?

Маста и стиснутость преобладают над всем остальным. Приметы мегаполиса -- макдональдсы, ковролины, колы, слишком много технического -- и тут нет места осени! -- то бишь грусти, простоте, увяданию - всему тому, что ассоциируется с осенью. Нет воздуха, а только дым коромыслом, осязаемая ноздрями и горлом гарь... Заметим, что стиш, написанный зимой, странным образом предвосхитил необычно стойкий летний смог.

Рефрен «кола» здесь связующий, служебный. Острота, чернота, газ, Кофе -- опель -- кровь. Все это слишком напоминает криминальный клип. Но это клип, в котором все происходит беззвучно, бесшумно. Здесь только зрительные образы. Цвет кофе все черно-коричневое. Не пьют, не плачут, глаза прячут, дают сдачи. Приятно, что пробивается какой-то размер, но дыхание обрывисто. Нечем дышать. Напоминает быструю бесшумную езду. Но куда? Это загадка... Красиво и немо, как в старом кино. Интересно, недосказанно. Впрочем, читать притягательно. Наверно, гораздо лучше -- велух. Для тех, кто знает Натю Сучкову не первый день, бросается в глаза самоповторы «зеркало заднего вида». Всякая строка не обязательна, она в самом деле раздражает, как раздражают небрежно брошенные под ноги вещи... Уместнее тут или инверсия, или что-то выворачивающее в другую сферу, например -- кола превращается в сырйт и просто в воду. Но текст, какой он есть, растрепанный, неровно-рванный, по-прежнему демонстрирует авторскую гордыню, диктую принять роскошь слов и образов.

☺ В оформлении страницы использован один из логотипов для мобильного телефона Nokia 3310

екатерина соболева (москва)
ПЕРЕХОД НА ОХОТНЫЙ

Каплеобразность и каплеобразность.

Имея в руках лишь небольшую подборку творений Екатерины Соболевой, не осмелюсь назвать мою рецензию «общим впечатлением». Впечатление от такого количества текстов может быть исключительно частное и весьма субъективное. Первое, что приходит на ум по поводу этих стихов – импрессионизм. Поэзия впечатления, живопись каплями краски (или слёз – когда как). Отдельные строчки, образы, мысли каплют на бумагу, образуя хитроумный узор лирического не то изображения, не то фото. Образом это не назовёшь, т.к. визуальный элемент господствует надо всем остальным. Причём из-за каплеобразности этих кратких впечатлений, лирическое изображение неизбежно оказывается неполным. Зачастую это и подводит автора, превращающего стихотворение в непрерывное наведение тени на плетень («Румба для Ройтмана»). Однако, в общем и целом, приём действует и временами даёт блестящие результаты – например, буквально, визуальное различное изображение подъезда в тексте «Лестница скрипичными ключами...». Временами лирическое произведение состоит и из одной капли, что сближает его по силе воздействия с хокку («К небу язык прижат»). Микрология, т.е. скрупулёзность прописывания деталей, заставляет вспомнить одновременно о Бальзаке и об акмеистах, однако, возможные литературные влияния и параллели это уже тема отдельного, более обстоятельного разговора, которого, на мой взгляд, автор заслуживает.

Антон Чёрный

Как книгу читаю лицо твое, как книгу любимую,
 Ты спи я твой сон берегу, я его камердинер.
 Усталые эти глаза многое перевидели,
 Усталая память покрыла их матовым инеем.
 А утром зрачкам станет тесно в своей оболочине,
 Захочется влиться во все, будто жизнь кончается.
 У большинства сердца давно заколочены,
 А у тебя беречь себя не получается.
 Мне не понять, не разгадать ребуса.
 Горько от мягкого чувства и что-то не вяжется.
 Двадцать четыре часа, ушли все троллейбусы.
 Дернулись губы, ресницы потом, улыбаешься.
 Ты притворялся, видя, как я наблюдаю,
 От возмущения воздуху слишком мало.
 Только в такие минуты и понимаешь,
 Главное, человек этот рядом.

ЛЕСТНИЦА СКРИПИЧНЫМИ КЛЮЧАМИ

Лестница скрипичными ключами,
 Чайли и ждали мы чего-то,
 Поднимались крадучись, молчали,
 Этажей считали повороты.
 Банки для окурков, что к перилам -
 Маячки домашней несвободы.
 Все что знали, все перезабыли,
 Все досталось мусоропроводу.
 Нету силы чтобы помешала
 Становиться старше и печальной.

Так шагам ступени отдавались
 И под весом каблуков кричали.

Ты прости меня, прости
 В этой жизни я не смыслю
 Ничего, и только листья
 Подбираю на пути.
 Не вини во всех грехах,
 Посмотри, я тоже плачу,
 И колечко на удачу
 У меня твое в руках.
 Не пытайся все понять.
 Я сама не понимаю,
 Так случилось, я такая,
 Ты прости меня, прости.

Сухость кожи от солнца –
 недостаточность влаги
 Мы с тобою похожи –
 не хватает отваги
 Бабочки однодневки – летние sms-ки
 Можно даже встречаться когда встретится

не с кем

И пройдя по Арбату туда и обратно,
 Параллельно вздыхать о невозвратном...

РУМБА ДЛЯ РОЙТМАНА

переход на Охотный –
Ройтман рядом
думаю о кастаньетах
латиносы играют румбу
карманный пятак летит
в широкополую шляпу
Ройтман грузит о вечном
мне же грузить нечем
остается качать подбородком -
Ройтман не пьет водку
но я знаю секретное нечто -
он думает не о вечном -
его волосатое тело
желает всех женщин сразу -
это маразм -
Ройтману тяжело живется -
...румба

САМОЛЕТИКУ

самолетик бумажный, страшно лететь
над горящей Москвой, страшно?
жжет огонь поцелуями крылья?
неужели так важно
то что было однажды?
зрачки - карамельки влажные
(нежные, нежные)
можно... войти можно?
да, заходите.
будем дружить домами
сейчас чайник поставим
или чего покрепче?
посуду помельче?
правильно. хватит пьянства.
шатаний от стенке к стенке
мы же серьезные люди-
серые. езные.
имеем рекомендации.
Вспомни: ошибка станцией
или короткое замыкание?
мыкаться не твоя работа,
твоя работа - слова, слава,
а ты все - вагоны, вагоны,
выгнать вас, что ли?
профанация со скандалом
и по лицу газетой,
ты хочешь этого?

КАПЕЛЬ

Верно, неверно,
Должно быть верно,
Проверено, сверено
С прошлогодними красками,
Умными книгами,
Чужими историями.
Смотрите лисьими глазками.
Ждете ответа
А мне бы скорее отсюда,
Туда где солнце, лето,
Уборочная машина
плюет в траур,
Дети на велосипедах.
И верно-неверно неважно.

К небу язык прижат
И ровно сто раз
До семи и обратно считаю
И закрываю глаза
Утихает капель,
И-и-исчезаю.

ожидание - рукоятка стоп-крана
ранен в глаза или опять давление
стрелки минутные двигаются странно
стараятся как бы еще помедленнее
потрогайте лоб-температура
тур Москва - Питер - мечта идиота
мальчиков хор затынул – Аллилуйя
нет это сотовый хрипишь много работы
ожидание прекращает вертеться и чувствовать
превращается... лед тает в бокале с пепси
сейчас бы от кафеля оттолкнуться
и оказаться вместе.

© ЧЕРЕПАХА ищет авторов на STIHI.RU.
Сегодня их здесь 26089. Если пойдете по
ссылке <http://www.stihi.ru/author.html?gog>, то
попадете в гости к Екатерине Соболевой.

сергей фраустов (вологда)

ГЛАГОЛЬНЫЙ САМООБЖИГ

«ДОРОГОЙ СЕРГЕЙ! После тщательного прочтения и обсуждения вашего стихотворения отборочный комитет признал его в качестве полуфиналиста в нашем Международном Открытом поэтическом конкурсе. Стихотворение будет автоматически введено в финальную стадию конкурса, который пройдет в мае 2002 года. Как полуфиналист вы имеете великолепный шанс выиграть один из 104 денежных или вещевых призов, включая Гран-при 1000\$. Вы можете выиграть даже годовой Гран-при 10000\$! Мы желаем вам удачи. Но это еще не все...»

Так начинается письмо, полученное мной из Международной библиотеки поэзии, которая в Интернете находится по адресу www.poetry.com. На конверте падающие листья и надпись: «Poetry begins in delight and ends in wisdom» - «Поэзия начинается с восхищения и заканчивается в мудрости» - Роберт Фрост. Далее в письме говорится:

«Сергей, представьте, ваше стихотворение будет опубликовано в роскошном издании! В ознаменование уникального таланта, который вы проявили, мы предлагаем опубликовать ваше стихотворение в издании, которое обещает быть наиболее значительным собранием поэзии, которое когда-либо было опубликовано - «*Письма из души*» (библиотека Конгресса, ISBN-0-7951-5160-8). «*Письма из души*» выйдут в свет в конце 2002 года и будет представлять собой классическое объемистое издание на мелованной бумаге, которое останется для будущих поколений.

Однако, Сергей, требуется выяснить одну вещь. Ваше стихотворение было выбрано для публикации на основе проявленного вами уникального таланта и художественного видения. Мы верим, что это придаст большей значительности нашему изданию. Мы подтверждаем, что за это не надо платить, делать определенные покупки или что-то еще. Конечно, многие желают иметь в своей собственности такое издание, где появилось их творчество. Если это так, мы ждем от вас заказ и гарантируем его исполнение.

Как мы указывали, ваше стихотворение прошло в финальную часть конкурса. Однако это требует подтверждения корректуры. Пожалуйста, тщательно просмотрите ваше стихотворение на предмет возможных опечаток или необходимых изменений, поправок. Мы также должны удостовериться, что «Тора Бора и талибы» является вашим настоящим стихотворением. Мы уверяем, что стихотворение останется вашей собственностью, а копирайт «*Писем из души*» распространится только на составление сборника. Под текстом копирайт будет ваш. Это означает, что вы останетесь владельцем произведения искусства.

Вы должны еще решить, послать ли нам персональную информацию о себе и своей поэзии в наше элегантно издание. В этом случае читатели и СМИ больше узнают о вашей мотивации и значении поэзии в вашей жизни, истории стихотворения, вашей личной философской точки зрения. У нас будет отдельная биографическая секция в антологии для этой цели. И хотя это приведет к дополнительным затратам на издание, от вас не потребуется ничего. Если вы хотите, стихотворение будет опубликовано без таких данных.

И, наконец, наш издательский отдел уже начал работу на изданием антологии и напоминаем, что вы должны прислать нам корректуру как можно быстрее.

Еще раз поздравляем, Сергей, мы чувствуем в вас особый талант и намерение опубликоваться в «*Письмах из души*».

Искренне, Говард Илай, управляющий редактор.

PS Сергей, вы должны быть горды вашим достижением. Тысячи стихов мы читаем каждый год и только часть публикуем. Нам приятно, что «Тора Бора и талибы» будет способствовать вашему признанию. И если вы закажете «*Письма из души*», вы будете приятно удивлены с какой любовью мы подготовили это издание и как ваше стихотворение там представлено. Мы гарантируем, что если вы будете не удовлетворены, то деньги вам будут возвращены.

PPS Как поэта, выбранного для публикации, мы еще уведомляет о том, что симпозиум Международного общества поэтов проводится каждый год в Вашингтоне. В этом году он будет проходить 23-25 августа. Подтвердите участие и приглашение будет вам выслано».

«Тора Бора и талибы» было первоначально опубликовано в мартовском журнале «Стрекоза», издаваемом в Вологде Натой Сучковой, членом Союза российских писателей, лауреатом премий фонда Альфреда Тепфлера и российского Нен-клуба, «Илья-Премии» 2002 года, ныне студенткой Литературного института им. Горького в Москве. Вот как оно было опубликовано в «Стрекозе» вместе с предисловием, или, как написано в письме, «личным философским видением».

Вот и пришел 2002 год. Что я ожидаю в новом году? Скажу сразу, без стеснения, больше всего боюсь Аль-Кайду. Пещеры Тора-Бора таят в себе много страхов и ужасов. Все новости оттуда (многие приведенные строки

взяты из них) проходили через меня, и я не мог не откликнуться. Не мастер я писать стихи, но страх велик и не дает он ответа на поставленные вопросы.

Я давно знал о существовании такого ресурса в Интернете. как poetry.com. И немудрено, что мне пришла в голову мысль перевести текст на английский язык, тем более, что это было сделать нетрудно. Согласно требованиям, в стихотворении должно быть не более 20 строк. поэтому его пришлось сократить.

И вот я получаю письмо, из которого следует, что мой стих понравился отборочному комитету. Можно много делать предположений о том, почему это произошло, можно найти объяснения, меня же более всего волнует вопрос, который мне недоступен, я никогда не узнаю нюансов, прелести, поэтических достоинств и технических недостатков собственного сочинения в собственном переводе на чужой язык, как его понимает американский читатель!

Для чего я все это описываю? Совсем не для того, что похвастаться, приз я никакой не получил. В прошлом выпуске «Пресс-релиза №6» под названием «Российский цейтнот» я упоминал такое свойство, присущее развивающимся системам, как ресурс. Эволюция не бесконечна, она обладает ресурсом. Не надо мнить ресурс как конец развития. Когда я говорю, что все лучшие книги уже написаны, вся лучшая музыка уже сочинена, когда я говорю, что киноискусство достигло своего потолка, предела качества, звук лучше воспроизводиться уже не может... и так далее... я говорю, что это не конец литературе, искусству, культуре. Все это, и литература, и музыка и прочее, будут другими, они уже становятся другими. У идеи пушкинского «Пророка» (как и у всех остальных идей, в том числе и научных) есть ресурс жизнедеятельности. Когда он призывает поэта «глаголом жечь сердца людей», то это было естественным для многих поколений, и, пожалуй, последним русским поэтом, который эту идею осуществлял, и она умерла вместе с ним, был Николай Рубцов («Россия, Русь, храни себя, храни!»). В ближайшем выпуске «Пресс-релиза» я надеюсь опубликовать статью (написанную, кстати, почти 15 лет назад) Поличебуреченского из Академгородка, в которой подводится идеологическая и теоретическая база под существование ресурса мышления. Поэтому данная публикация представляет собой отчет о практической работе, лабораторном эксперименте, подтверждающем теорию.

Исходные данные: я - Сергей Фаустов, который никогда не писал стихи всерьез, а только в качестве прикола, как это и было с «Тора Бора и талибы». Место проведения опыта: США, наиболее развитое информационное общество, время: спустя несколько месяцев после трагедии 11 сентября, используемое оборудование: компьютер, Интернет. Цель работы: «Показать конец классического, традиционного понимания идеи литературы, основанной на бытийном восприятии поэта как пророка, «жгущего сердца людей», которому внимают толпы, и книги которого раскупают читатели, как это уже было совсем еще недавно, и показать наступление новой фазы, в которой нет места старым представлениям о поэте, а новые представления еще только формируются, точнее, уже сформировались». Сейчас я могу сказать только одно. Все идет к тому, - можно не осторожничать, а сказать прямо - для каждого человека поэтом является он сам. Сам себе режиссер - привычная уже российская формула, особенно для тех, у кого есть видеокамера. Сам себе босс - уже привычная американская формула для общества, процветающем на свободном предпринимательстве, заключающемся в зарабатывании денег дома, работая за компьютером телеработником. Без начальников и руководящих коллективами чиновников. Новые технологии не столько позволяют, сколько заставляют это делать. Возникли общества, где лидера нет, властителя дум нет, и какой президент у власти - не имеет никакого значения. В Европейском сообществе сейчас кто-то кому-то смотрит в рот? Нет. И о приходе этой новой фазы Путин знает, я уже писал об этом в «Пресс-релизе №6». Его послание в действительности не к Федеральному собранию, а к предпринимателям, ко всем людям, которые сами себе... поэты, начальство, музыканты, сатирики...

Я предвижу, и убежден, что многие с этим не согласятся. Или скажут - Фаустов ничего нового не сказал, и так все понятно. У меня же довод один - смысл жизни в быстроте восприятия быстроты жизни. Вот почему я так торопился стать членом Международного общества поэтов, принять участие в симпозиуме в Вашингтоне, чтобы хотя бы себе доказать, что для меня именно я и есть поэт. Я заручился доказательствами. И мне ничуть не скучно наблюдать, как другие заручаются своими доказательствами того, что они поэты для себя. Поэтому пословицу «Нет пророка в своем отечестве» можно уже произносить не с изрядной долей сожаления, как это было ранее, а с надеждой и уверенностью в процветание России. Хорошо сказал М. Жванецкий на вручении ему Госпремии 12 июня 2002 года (я это только что и очень кстати услышал по ТВ): «Раньше было интереснее писать, чем жить, а сейчас интереснее жить, а читать - то, что было написано ранее». Сейчас человеку интересно читать то, что он сам написал, или, перефразируя пушкинского «Пророка», интересно произвести «глагольный самообжиг своему сердцу». Для этого человек созрел.

Итак, вывод по отчету о проделанной работе. В выводе все то же, что в цели работы, только глагол «показать» - в прошедшем времени. Я показал возникновение новых литературных технологий. На сайте poetry.com зарегистрировано 4,6 млн. поэтов. Конечно, среди них много и откровенного баловства, хулиганства, авангардизма. Процентом 95 составляют американцы, остальные - со всего мира. Но вот что меня поразило больше всего. Там есть специальное окошечко, в котором через каждые 20 секунд, сменяя друг друга появляются присланные стихи. Эта смена стихов идет непрерывно круглые сутки. Когда на это смотришь достаточно долго, то перестаешь воспринимать время в секундах, в каких-то промежутках, сутках, годах, время идет в стихах, их пишут люди.

которых никто не заставляет это делать. Они делают время, и чувствую я, что придется скоро организаторам этого хронометража не 20 секунд давать под стих, а 15, потом 10. Время сжимается. Но это уже будет другое исследование.

© За развитием темы следите по выпускам «Пресс-релизов» и на сайте www.geocities.com/intelfund

ТОРА-БОРА И ТАЛИБЫ

Если бы да кабы
Были мы арабы
Или если бы
Были б мы талибами...
Только не Бен Ладен.
Будь он неладен.
Талибы поймали пуштунов,
Пуштунов казнили талибы.
Пошто их казнили талибы,
Пошто не по нраву пуштуны?
Как в Кабуле, Кандагаре
Провели опять удары.
Бомбами, ракетой.
Били нечисть эту!
Талибы ушли из Кабула
И там теперь негу талибов.
Куда же уходят талибы,
Чего ж без талибов там будет?
Каково же пленному талибу,
Как поймали, увезли на Кубу?
Счастье где? Да там оно -
На базе Гуантанамо!

TORA BORA AND THE TALIBS

If we would be the arabs
Or if we there would be the talibs.
Only not be like Ben Laden.
It would be so immoral.
The talibs have trapped a pushtuns,
A pushtuns have been executed by talibs.
Why talibs so cruelly executed a pushtuns?
Why they don't be fond of a pushtuns?
As in Kabul, Kandagar
I have carried out again impacts.
By bombs and missiles,
To beat the evil spirits!
The talibs have gone from Kabul
And there now is not presence of talibs.
Where have all the talibs gone?
What there will be without the talibs?
How are captive the talibs.
That have been taken away on Cuba?
Where is happiness? Yes there it -
On base of Guantanamo

Литературный конкурс

"Мой Петербург"

К 300-летию Санкт-Петербурга по инициативе журнала "ELLE" проводится конкурс короткой прозы "Мой Петербург". На конкурсе принимаются прозаические произведения любого жанра (рассказ, очерк, эссе) объемом до 250 строк компьютерного текста (9-10 страниц машинописи), в которых Петербург "присутствует не только как место действия, но и как один из главных героев". Тексты следует направлять до 30 января 2003 г. по адресу 101959 Москва, ул. Мясницкая, 35, оф. 743, журнал "ELLE", с пометкой "Мой Петербург", или по электронной почте konkurs@ELLE@hlm.ru. Первая премия 5.000 долларов США.

Жюри конкурса: писатели Валерий Попов, Татьяна Толстая, Александр Тимофеевский, актер Сергей Юрский, директор Русского музея Владимир Гусев, представитель журнала "ELLE" Сергей Николаевич.

Конкурс эротической литературы

"Русский Декамерон"

Конкурс проводится под эгидой Российского ПЕН-Центра. Конкурс призван выявить, согласно пресс-релизу, "современную историю про любовь, написанную по-новому". Кроме того, задачей конкурса является поиск "внятных эстетических критериев" в любовно-эротической теме.

😊 О НОВЫХ КОНКУРСАХ

В конкурсе могут участвовать ранее не опубликованные оригинальные (не переводные) русские следующих жанров: роман, повесть, рассказ, пьеса и киносценарий. Прием рукописей до 19 мая 2003 г. Объявление шорт-листа в июне 2003 года, объявление победителей - в конце сентября - начале октября 2003 г. Первая премия - 15.000 долларов США; победитель конкурса и лауреаты предоставляют организаторам право на дальнейшую публикацию. Жюри конкурса: писатели Андрей Битов, Сергей Гандлевский, Евгений Гришковец, Рената Литвинова, Татьяна Толстая, продюсер и президент издательского дома "Московские новости" Александр Вайнштейн, режиссер Владимир Мирзоев, координатор премии Александр Михайлов. Рукописи (первый экземпляр машинописи, либо текст в электронной форме в формате DOC, без использования программ архиваторов) необходимо направлять по адресу 125009, Москва, ул. Тверская, 16/2, литературный конкурс "Русский Декамерон", либо по электронной почте contact@dekameron.ru. Каждая рукопись должна сопровождаться данными об авторе (ФИО, год рождения, почтовый адрес, если есть адрес электронной почты, телефон). Сайт конкурса <http://www.dekameron.ru>.

ГАЛИНА ЩЕКИНА (ВОЛОГДА) МОСКОВСКИЙ ДНЕВНИК

16 мая 2002. ВОКРУГ ИЛЬИ. РЕАКЦИЯ НА ЗВУК

Натке нужен был компьютер, мы везли, помогали ей. В поезде мне казалось, что монитор, зависший на третьей полке, движется и валится на меня. Люба даже не спала, дежурила ночь на вокзале, чтобы встретить и помочь. На эскалаторе две тетki впереди опрокинули сумку на колесах и все это повалилось на меня. Я держала пакет с процессором и коленкой придерживала лавину, глядя, как тряпки падают на ступеньки... Меня заколотило от ужаса и долго колотило потом. Потом Юшковой не заказали гостиницу – тоже нервы. Потом стало мутить и качать, нервничать мне теперь нельзя. Боюсь Москвы! Хорошее началось с голоса Юрия Беликова в трубке. Что за голос! Чарующий рокот, точно у хорошего актера, он обволакивает и гладит до щекота в горле. А уж как начал потом стихи читать... Думаю, он знает свой дар и умеет пользоваться... Я этот голос без конца бы слушала. Оживают тайные бездны, фантазии... Когда-то Михалыч умел очаровывать так же. Но я сама виновата, что больше он не рокочет.

На вокзале группа ИЛЬЯвят уже ждала нас, Антон Черный, наш вологодский финалист «Илья-Премии» – кинулся навстречу. Все поехали в Переделкино. Мне поначалу было тоскливо среди этих детей, но Ира Медведева – она покорила сразу. Приблизившись, я поняла – мы с ней сто лет знакомы. Седая асимметричная стрижечка, черные мягкие глаза. Кажется, Ира умеет находить моментальный контакт со всеми... Почему я рвалась в дом Пастернака? Я же была там, не умея справиться с потоком слез от вида плаща, напоминающего панни, от стоячей конторки. Я убеждалась, что это все на месте, как убеждаюсь в нерушимости того, что есть дома... Кудимова: «Убедилась?» – «Да!». Но сильнее – резкий голос экскурсовода: «Тогда уже Зинаида сказала – что не может более быть женой, тогда уже появилась Ивинская... Мое мнение – он любил многих, а она дает понять, что она была единственная, расталкивает локтями. Ее не пускали сюда, даже когда он умирал...» Удивление. Но меня поправляют – она кого-то предала, дело не в романе. Не хватало звука в доме Пастернаков... ПОЧЕМУ НИКОГДА НЕ ЗВУЧИТ РОЯЛЬ НЕЙГАУЗА? Но совсем обвальное удивление - в Доме Чуковского. Оказывается, «Чукоккола» - это что-то вроде нашей подпольной «Стрекозы». «Крокодила» запрещали, а книга о Некрасове спасла (Сталинская премия). Мантши, картины, шкатулки - дом, полный подарков и чудес. Голос экскурсовода – озорной, смешливый: «знаю, что вы устали, я с вами как с ребятами». И мы, остолбенев, смотрели, как прыгает по лестнице сакраментальная пружинка. Сколько людей здесь прошло, какой огромный мир кружился вокруг планеты Чуковского. Его культурное пространство было гигантским. Местами я засыпала на ходу от потока впечатлений, но они все вливались в меня, и я снова тарасила глаза. И сосны клонились ко мне – а ты маленька-аа-я... И Ира Медведева оборачивалась – Галочка... И я не чувствовала, что я одна. Ленка Юшкова что-то снимала, снимала фотоаппаратом, а я гулкая, одуревшая. Р-ррр - голос Беликова. А где Наташа? Она не может, занята. А зря. Она кое-что упустила.

На пионерской поляне, где Чуковский делал костры, мы у ourselves на пикник. Там длинные разговоры, стихи, легендарная Кудимова. Я с Кудимовой бокалом чокнулась? С той самой, чья подпись была на документах нового союза?.. Деликатесы – колбасы, куры, листовая сыр, фрукты, вино. Бешеные вкусности. Резала бутеры с Ольей Юрловой из Кирова, сейчас книжку ее читаю. Как было странно – почему мы здесь? Потому что мы вокруг планетки Илюши вращаемся, мы втянулись в эту орбиту. Миллионы голосов зазвучали во мне. Тех, что были раньше у Чуковского, и тех, что теперь приехали к Илье. Ира и Коля сумели сделать из своего горя чужую радость... Поэты такие вредные, но если что-то их объединяет... А я раньше думала – ничто их не объединяет! Но вот же! Коля Тюрин, видимо, не пьет вина, но здесь позволил и настоял везти к гостинице на такси. Ира только вздыхала. На станциях стали дикие законы, пускают по одному. Все это было каким-то домашним, как будто я приехала к родне. Но я их вижу в первый раз! Непонятно. В гостинице Иру отчитывали – у вас долг три тысячи. Но с Юшковой все уладилось. Я пыталась спать и не могла. Кто-то рокотал, рокотал.

Когда Кудимова возле Чуковского хотела посылать еще за бутылкой, поднялась буря и деревья затрещали. "Нет, не пойдем за бутылкой". Вот в церковь они шли – это надо. А тревожить по пустякам тот мир нельзя. Звуковая стихия продолжала шуметь и трещать в моей голове всю ночь. Я объелась - всем. Потом тяжелые литературные беседы с Ленкой – про это отдельно.

В Переделкине, когда все читали стихи, мне было неловко, ведь я не поэт в той мере, в какой там присутствовали лауреаты конкурса «Илья-Премия». Но когда я читала его книжку «Письмо», мне бросились в глаза две важные вещи. Первое – осязаемость потери самого Ильи, когда (лично для него!) не стало Бродского. Это не просто скорбь (скорбь - это мертвое слово), а именно увеличение любви, ее непомерность. Такое впечатление, что,

проплакавшись, он как-то ближе и крупнее увидел Бродского. Бедный, что он пережил, лишившись!... Но потом приобрел... В этом любовном поле в высоком смысле слова Ильи не «послебродский», а именно «бродский» поэт, остающийся в Бродском навсегда. Это как бы духовный ребенок Бродского. И вторая вещь. Там есть стихи, которые он посвятил физике на его уход. И мне стало ясно, что я чувствую то же! И лучше Ильи никто не вслед самому Илье не скажет, что именно я чувствую. Я прочла этот стих в Переделкино (кажется, он на 102 странице – книги опять нет под рукой, ее опять читают).

То есть что? Занимаясь поиском поэтов, я не очень вникала в смысл текстов Ильи. И тут вдруг меня поразило как громом. Его связь с другими людьми означает, что он – помимо своего творчества проводник для нас и для тех, других. Например, я через Илью всегда буду чувствовать еще и Бродского. Он как тот телефонист, который держал зубами связующий провод... Я этим вовсе не хочу сказать, что он какой-то опереточный герой. Нет, просто он теперь для меня больше, чем просто автор своих стихов. И даже вздрогнула – я писала стих для Миши Жаравина, а теперь произношу его для Ильи, значит, есть связующая ниточка меж ними тоже. Ходила по Переделкинскому кладбищу, а где похоронен Илюшка, так и не спросила... Тело возьмет земля/Душу возьмет Господь/Голос молитвы для/взлета небесный свод/Не торопись уйти/Холод могил кланя/ Я запою мотив/чтобы нас не разнять/шепоту сосен над/мраморным забвением/Как много лет назад/ мы помолчим вдвоем/Тело возьмет земля/Душу зовет Господь/век его умолять/царствовать над и под...

21 мая 2002. ВОКРУГ ИЛЬИ. СТРАХ СОМНЕНИЙ

На другой день после Переделкино у нас с Леной Юшковой были грустные разговоры. Вся эта атмосфера подействовала на нас размягчающе. Ласковое обращение Иры и Николая – но его как бы нечем оправдать («отработать котлеты»). Ира хочет более творческого конкурса, она не против стихов, но роль жюри пока недостаточна. Возможно, это будут отклики, споры с самим Ильей по любому тезису его статей? Возможно еще что-то, например, прибавится номинация по драме.

Все это хорошо, но я сама только собиратель, а хотелось бы как-то поучаствовать в развитии самой идеи. Как? Юшкова сказала наконец, почему ее расстроило Переделкино. Сначала на нее косо посмотрела Кудимова, потом показалось что она вообще тут не к месту, тут все дети малые, а мы в таком возрасте... Но главное не в этом. Главное в том, что она не хочет книгу, которую я ей начала делать. Я уверена, что это очень состоятельно с литературной точки зрения. А Лена то подчиняется моему диктату, то говорит – не нравится! «Не нравится мне эта вся так называемая проза». Выходит, я ее принуждаю? Мне стало горько до невозможности. Мало того! Она давно пишет мудреную диссертацию о пластическом театре. Она говорит – литература никому не нужна, а здесь я совершила открытие. Это будет преступление, если все это не зафиксировать! Поэтому я займусь пока наукой, а уж потом посмотрю, как быть с прозой... «Хотя у меня совершенно не идет диссертация, я прячусь от компа, я вообще-то человек литературный...» И через час уже говорит – мне удобно так жить. Если посылают на компьютерную конференцию, то еду, если надо быть научной – могу и так, если меня позвали на литературный праздник – не могу согласиться, что это плохо. Это здорово... Я чуть не заревела от таких речей. Значит, ей все равно, чем заниматься! Ей нравится писать прозу, а она насильно себя гробит. Я задумалась. Может, она и права.

Чем меня восхитило Переделкино? Тем, что там были все свои. Может, это от вина? Нет, мы когда приехали, мы тогда еще не пили никакого вина. Но откуда тогда это чувство общности? Оно было. Антон Черный – его видеть было еще радостней, чем в Вологде. Он смеялся: «Сидеть бы нам в Твери, когда б не Галя...» Но как раз моей заслуги в том и нет. Это Ира. Это все, к которым упала и я, как капля в блюдце. Там обнаружили еще потрясённые ребята, к которым я вернусь!

Значит, Юшкова все структурирует. У нее душа лежит к одному, а она заставляет себя делать другое. А что я же я? Зачем взяла и сразу, сходу во все это ворвалась, душой присохла? Я же неталантливый человек. Хоть бы подумала чуть, я то сразу. Мой длинный разговор с Василенко по телефону: я объясняла ей, почему надо рассмотреть дело Дубинина. Василенко болела и голос ее слабел в трубке. Она сказала, что ей надоело разбираться с Вологдой. Я говорю – а что там разбираться? Кто-то делает свое, я свое, я никому не мешаю править миром. Но Василенко явно думает про меня плохое. Она разлюбила меня. Не то что раньше: «Дорогая Галя! Я счастлива что...» Она не разрешила к ней приехать, велела взять папку а ЦДЛ, а там... Там не оказалось никакой дежурной в праздники 10 мая, стояли два пьянующих охранника, еле ворочая языком – «ПДИТЕ ПЗВОНИТ-ТЕ». А зачем звонить? Кому? Больной Свете Василенко? Я и так ее донимала по телефону целый час. Мне стало обидно за талантливого Дубинина и я увезла папку домой, а потом отправила ее по почте... Правда, я с помощью Шеварова кое-как дозвонилась до Ольги Корф и она сказала – никакого движения с вашей рукописью не предвидится. Она у редактора «Черной курицы», издавать ее никто не будет. Ненавижу Москву. Им ничего не нужно...

И еще одно событие, уже совсем мелкое. Поехала к знакомым повидаться, хотя боялась заблудиться в метро. И поскольку душа моя была полна всем тем, что изложила выше, я к духу Переделкина стремилась, без умолку от этого говорила, вздох и отвлекаясь на оценки... И жадно на реакцию смотрела. Но мне сказали, что все это скучно, что люди и тусовки надоели, и коль ты человек тусовки, то что ж, ходи-ходи.... Потом сказали – от тебя

башка болит. довольно. Я остолбенела. Я человек тусовки? Я одинокая как черт те знает кто! Сюда людей тащат для того, чтоб вышли из пещеры, всех узнали... Ведь нету у меня здесь шкурных интересов! Такое испытала унижение. В метро хотела выйти из вагона, рискуя потеряться капитально. Затмение нашло. Понятно, больше никогда к ним не поеду. Но все это случилось перед Домом Журналиста, поэтому мое выступление было провалено. Горели губы, рот, как будто от перца. Да, я не умею разбираться в людях! Мне нужно было душу изливать не этим (как нищенка пристала я к чужим). А вот Ракитская, наверно, поняла бы. В горячке дикой горечи не очень веселилась на фуршете. Пришла на встречу Маша из агентства, что занимается судьбой "Горящей рукописи" - это было классно.

Презентовали чудный альманах! Весь дорогой, весь толстый как купчина, и страниц под триста. И молодежь стихи свои читала, и совершенно тихая Ирина работала исправно Дед Морозом. Мне говорили, что незадолго до этого случился с ней сердечный приступ. Вот так держаться надо! А я раскисла, точно истеричка! Гриша Сахаров, конечно лучше всех, и Ваня Клиновой, Четкин Паша тоже: "ах зачем я красивый такой". Аня и Паша получили Гран-При, они замерли у королевского кресла, а на сцене играли скрипки. Организация ошеломительная. И праздник удался. Ольга Татарина мне: я поздравляю вас, у вас такие дети... Я только вздохнула - я здесь ни при чем. Просто Кудимова пошутила: еще один сюрприз от Галины Щекиной...

27 мая 2002. ВОКРУГ ИЛЬИ. ВОЛНА НЕЖНОСТИ

Смятение мое еще не улеглось, хотя долго витать в эмпиреях некогда. Меня поразил один человек на Илье-Премии - кроме супругов Тюриных, конечно. Худой длинноносый юнец, некрасивый, замкнутый и неожиданно мудрый, он пишет скупое, скудно и проникает в сердце безошибочно. Вообще всех ребят можно найти на сайте <http://ilyadom.russ.ru>. А этот человек просто сокровище - невозможно одинокий, умный Гриша Сахаров. Я в Москве рассказывала в электричке из Перedelкино свою любимую историю про расторможенность воображения. Ну, как у Анчарова в Сода-Солнце - дали шести обалдуям таблетки творчества и пять из шести решили сложнейшие проблемы. А в таблетках только мука и сахар, и больше ничего! Так вот, наш критик Фаустов в картинной галерее при большом стечении литературного люда взял и запустил бумажную птицу творчества. И она тюкнула в макушку самую скучную нашу боленую писательницу. "Поздравляю, вы стали графоманкой!" А она как очнулась. Так начала писать, что все рты пораскрывали - и народный язык, и музыка, и все сверх меры, и Фокина заметила, и все заговорили - вот такой фокус. Это стало легендой. А Гриша и говорит - Да я знаю Фаустова. - Как? - Да читал в "Октябре" голос из Вологды... - А ты где живешь? - В Орле. - ?! И живет в Орле, и общества нет, и единомышленников, и не пихует 18-летний мудрец. И комплексов нет, естественность полная. Я с ним проговорила целый день, с ним и еще с Пашей Четкиным из Перми, вот тоже уникам, будущий магистр богословия.

И мы с ними ходили по Арбату, глазели на памятник Окуджаве (как интересно - можно руку на плечо положить), на стену Цоя, на художников арбатских. Ира Медведева посадила Юльку Балабанову из Перми, чтоб ее рисовали, потом деньги за нее заплатила. Думаю, пылающая от волнения Юля никогда этого не забудет! Ира кормила нас бананами. А я-то чего, не маленькая... Ешь! И я стала маленькой девочкой, с которой возятся, и тепло мне было, щекотно в горле. Только что по голове не гладили. Ира работала дед Морозом и для меня. Все собиравшись в Пушкинский музей, а у меня денег не было, ведь мне пришлось все деньги отдать за обратный билет (купейный). И я стала такая убитая, и вдруг она - на деньги, сходи, когда еще соберешься... Тут и случился наверно главный мой московский подарок.

В Белом зале я долго разглядывала картины, развешанные по проекту "Диалог в культурном пространстве". Остроумно: рядом две непохожие картины и тут же планшет с описанием аналогий. Глянешь - все разное. Начнешь читать - да, столько похожего - от темы до глубинных связей. Картины Пикассо и тотемные фигурки. Девочка на шаре и девочка в виде ложки. Это грандиозно. Ничего подобного не видела. Ребята Гриша и Паша тоже тихо передвигались с такими возвышенными лицами, сосредоточенные, бледные. Одно полотно - оно ранило. Художник Карер (или что-то похожее). Поцелуй матери (материнский поцелуй?). Женщина, поразительно плавная, обнимает девушку - дочь, сестру? - рядом еще одна... Картина монохромная, как фотография, черно-белая, очень большого формата, но такая возвышенная и чувственная одновременно. Не передать! Их захлестнула волна тепла и нежности. Это видно: энергетический поток их окутал. Из глаз хлынули слезы и не уставали литься. Я пыталась проморгать их и не могла. Три или четыре раз подходила я к картине, но с трудом заставила себя прекратить хождение. Это навсегда, уже не забудется.

андрей наугольный (вологда)

ПОД ЗНОЙНЫМ СОЛНЦЕМ БЫТИЯ

«Я должен привести в порядок свой дом.»

А.С. Пушкин

- Светлана, – робко говорит она, растерянно опуская глаза... Она – чудо. Я рассматриваю её, как, вероятно Колумб разглядывал берега желанной ему Америки... В руках у неё книга. Что-то забавное. Мы садимся в тени – тополь, его крылья оберегают нас – на дряхлую лавочку у крылечка, садимся и вертим эту изумительную книжку. Нам весело. Наши дома напротив, стена к стене, и мы только что познакомились. Я тоже был в библиотеке, и моя книга – «Всадник без головы». Так и скачу, небрежно прижимая свою красотку. Но ей – увы! Не до меня, её увлекают иллюстрации. Джером К. Джером, да благословит тебя Бог! Нежный ветерок, август, книжка в руках... И дом, дом в золотистой дымке. Ему скоро стукнет сто лет. но он храбрится, строго взирая на нас. Дедушка. Древний. как мох на его боках. Ему хорошо с нами, нам-то он доверяет. Знает, что не покинем. Сто лет кануло, и вот мы сидим здесь. сидим с книжками в руках. что ещё нужно старому ворчуну? – Лучшего ангела души прекрасную! Шутка.

...И все его обитатели заинтересованно пялятся на нас, я видел фотки, их великое множество, сорок сороков, лица, письма, целый табор под ветхой крышей. Патриарх. Вот он какой, мой дом!.. И нас ещё не зовут обедать, и мама – «Где он?» - мама хлопочет где-то там, в прохладных его недрах, снуёт около керосинки, не до нас! Не до нас и моей пронырливой бабушке, в огороде она, а дед спит, храпит себе на сарае. Все здесь, все живы – и я счастлив! Всё. всё впереди, так много всего, пучина неведомых событий. И наня судьба – нет. рано – наши судьбы дружелюбно соприкасаются. Навеки вместе. И пора прикусить язык... Две книги, четыре руки, её волшебный загар! Мы смеёмся... мы уже договорились, что завтра – зарок, клятва – убежим на речку и будем валяться там, на её серебристом песке. охотиться за мальками в неглубокой воде, пугать стрекоз наконец, что может быть лучше! Лучше этой, внезапно обретенной свободы? И столько всего вокруг, тысяча чудных мест, где нам будет хорошо. Станет. Мы так верим в это. И мы взялись за руки. И некому нас остановить. Это наш праздник. Даже старый ворчун облизнулся. Возможно, этого он и ждал...

... - А что? Мне здесь по нутру! – восторженно оповестил нас Толян, он только что осмотрел дом, мой дом, и его окрестности и, похоже, остался доволен. Ещё бы! Я привёз его и его ублюдков в свою вотчину, в свой потерянный рай. чтобы, видимо, убедиться уже на людях (чужие глаза, совесть), что она реально присутствует, и здесь можно неплохо отдохнуть: рыбка, водочка, бабё. В общем, редкая удача. Был и корыстный момент: взглянуть и мимо. снять грех с души. Прошлое – сансара. как камень...

Мы ползали по дому, разумеется выпили. Всё в кайф. И мне стало полегче – эх! если бы не стена напротив – там кто-то жил, было заметно вялое движение. Я не спускал с неё глаз. И вот вдруг оттуда выполз (на ловца, как говорится) однорукий смурной мужик, по виду – конченный алкаш. Крендель тутошный, местный йохимбе. Он блаженно потянулся, почёсывая брюшко, и, не оглядываясь, припустил прочь...

А потом, потом возникла она... моя светлая королева! С сигареткой на нижней губе. Естественно, в дым. Босая, в рваных трениках и выцветшей футболке. На трениках, наверное, ослабла резинка, и она подтягивала их ежеминутно, получалось очень эротично. И тогда я бросил отщепенцам: «А вот и мандала!». И они резко выпорхнули ей навстречу, привели, напоили, влив слёту стакан водяры. А она признала меня, но на шею не кинулась, только усмехнулась смущённо. (Моя Акелдама, скучные песни земли).

... а эти, пристроив её на койке, сноровисто принялись за дело. У Сверчка даже презики «Кама сутра» обнаружили. но ими пренебрегли. Зачем? До скважины бы... мало их от природы. вот они и вбесились. Дрозд. секс-нистолз промтоварный, даже заорал на меня: «Мыло волокни, тут мышинный глазок...» И я вывалился за дверь (привет, Джимми!). Что дальше? А дальше всё тот же Дрозд – в лицах! – долго рассказывал после всех этих деревенских страстей, что случка удалась. «Настоящая ...!» - радостно прокомментировал он и добавил: «Ты ей глянулся, тебя звала!». Друг, кореш. Он и обо мне погоревал: «Что ж ты ей не втохал, пинтос?» А мне опротивело всё это, я и в дом-то больше не заходил, так и просидел в машине. Не видел, как и ушла. Такая живая жизнь... И с домом я не простился. Сопли, проклятье. Наваждение для двоих. Я думаю, что он меня понял...

прозы

ольга кузнецова (вологда)

ОСОБЕННОСТИ ЕЙСКОГО РОМАНА

Она вошла в квартиру и едва не закашлялась от прогретого сладковатого воздуха простоявшей почти месяц закупоренной квартиры. Не скинув шлепки, все равно мыть, прошла через комнату, открыла дверь на лоджию. Не желая возвращаться, пока не проветрилось, постояла. Внизу между зелеными ангарами военных складов на зеленой траве ходили корова с телянком. Между ними стояла собака. Впрочем, присмотревшись, поняла, что это... свинья. «Метаморфоза», - вспомнила она словечко Славы. И постаралась быстро со Славы переключиться: «Конверсия - возле люков с ракетами тоже коровы ходят. И когда, не дай бог...» - пошла в комнату. Отвыкнув от дома, она внимательно посмотрела на поклеванные перед отъездом обои: «Хорошо смотрятся, хоть и дешевенькие. Следующий ремонт не скоро делать - когда малыш подрастет». И, опять засомневавшись, будет ли малыш, она попыталась задержать тюль. Но то ли полотнище зацепилось, то ли от сильного рывка - словно истлевшая тряпка, оно затрещало, а в руках остался кусок. Удивлению не было предела - занавеска была из капрона - который, как известно, «тлению, гниению, коррозии не подлежит». Однако это было именно так: едва взялась за него вновь, в руке остался другой лоскут. В воздухе закружилась мельчайшая пыль, серебрясь на солнце. С отвращением Лена стала срывать сгнившую занавеску - она бесшумно падала, мягкая и теплая, как паутина. Она быстренько замела, а потом схватилась за стулья, быстренько их перевернула на стол. Пожалуй, нужно мыть пол.

Позади 36 лет одиночества, а впереди... И ничего нельзя поделаться с собой - дальше тянуть было некуда. Тем сложнее стать покорной и ласковой, остаться ночевать или привести к себе мужчину.

Кажется на юге это понимали все редкие одинокие мужщины. Свой возраст она поняла только здесь - приглядываясь к толстым бабам, чьи тела выпирали из купальников, не зная солнцезащитного крема, краснели на солнце. Нещадно обгорая, эти бабы были с детьми - сыновьями выше их ростом, с дочками оформившимися в невесты. Сколько им лет - гадала она про детей, но вдруг поняла про их родителей: они все ее моложе! И тогда с интересом стала рассматривать мужскую половину - в основном изработавшихся трудяг, и ей было жаль и их - седых и лысых, сберегших себя еще хуже, чем их жены, прокуренных, с тоской смотрящих на море, худых или пухлых, жадно сосущих пиво под неодобрительным взглядом жен.

Здесь много было семей из Краснодарского края на выходные, приезжавших к морю семьями - колхозники с загорелыми лицами и такими же руками и белыми телами, в дешевых плавках. И ужас обуял ее - и от кого она хочет рожать? Мужиков, одиноких и клещащихся, как ей запомнился этот городок, по студотряду на сборе фруктов, не было. Только сейчас она поняла, что тогда к ним клеились пацаны - лет до двадцати пяти, а им дурам, они уже казались старичьем. Породистых, холеных мужиков, о которых мечтала, которых она вообще-то, издали видела в своем городе - их здесь просто не было как вида, как рода. Видимо, это был не их ареал. Их здесь быть не могло, как говорил единственный в их конторе мужчина Андрей Константинович, «по определению»: они отдыхали на иных курортах... На день пятый или шестой пребывания она наконец-то четко сформулировала: «Нужно было не жаться, не экономить, а ехать на Черное море, а не эту «тринадцатиметровку». И тут за столик в дешевой кафешке, работавшей допоздна, подсел парень - моложе ее лет так на десять, и заинтересованно взглянул ей в глаза, с которых она по оплошности сняла очки. И она вдруг отчаянно подумала: пусть будет он. Впрочем, на нем была небольшая плетеная шапочка, а при повороте головы на плечо вдруг выскочила косичка. «Голубой, наверно», - пробовала отвертеться от угованного, обмануть себя еще раз. Но спохватившись, изобразила любезность. Он был еще совсем белый - только в этот день приехал. И она на правах старожила попыталась смешно рассказать свои наблюдения в городке и на пляже. И обещала показать выставку фарфоровых статуэток, размещенную прямо между рамами в соседнем доме: умильные кошечки, барышни с платочками... Она почему-то сюсюкала, наверно, старалась быть женственной. Дурак, он пригласил ее к себе. Сколько людей проживало в том дворе за железными воротами, она даже и вообразить не могла. Он тащил ее куда-то на третий этаж курятника, храпы раздавались слева и справа, где-то, как

потом оказалось в соседнем дворе, громко разговаривала женщина - ей негромко отвечал мужчина, но сначала было ощущение, что сама с собой разговаривает какая-то глухая, сидя где-то здесь, прямо на лестнице...

Он привел ее в комнатушку - где были втиснуты две допотопные кровати с никелированными спинками. На одной стояли сумки, а на другой сидели в обнимку седой, полноватый, интеллигентного вида мужик и молоденькая девушка. «Здравствуйте! Папа смена? Без простоев хозяева работают! Вы за эту ночь заплатили?». Узнав, что да, восхитился еще больше - они заплатили тоже. - А мы сейчас уезжаем, - понимающе кивнул мужчина. - Через часик где-то. Присаживайтесь. Тесновато, конечно...»

- Нет, нет, мы пока погуляем...

И они пошли к морю. Но не дошли, свернув в какие-то шуршащие колючие кусты, и Слава прислонил ее к какому-то дереву, и целовал. А ноги все хотелось снести у него за спиной, но не получалось, они соскакивали, а спина ездил по шершавому стволу, и сучок иногда больно колот в бок. И какая-то парочка, пьяно смеясь прошла совсем рядом, слава богу, не додумавшись свернуть к ним. А животная тяга друг к другу была так велика, что Слава, измучавшись держать на руках и прижимать к дереву, шепнул: «Извини уж», посадил ее на землю, прямо на свои ладони, как тяжелый плод. Скрипнула галька, жесткая трава лезла сквозь его пальцы, щекотала и царапала. колола. Но она это зафиксировала кусочком своего сознания и забыла...

Они поселились у ее хозяев - отдельная крохотная мазанка освободилась, и проблем не было никаких кроме, пожалуй, одной - они были совершенно чужие, разные и нелюбопытные друг к другу. Иногда ей казалось, что ему просто так удобней - она готовила суп, бутерброды. «Еще стирать заставит», - подумалось ей. Но он сам стирал свои светлые носки и такую же майку в хозяйском тазике, нагрев воду на газу. Любил резать помидоры в салат, густо засыпать их укропом. А секс был еще. На широкой дощатой кровати с толстым матрасом, на полу с войлочным настилом. В ночном море, куда она вытащила его однажды, и где их, словно бобров на свет ловила охрана порта далеким прожектором. Но нигде больше она не испытывала того звериного инстинкта, что в первый вечер знакомства. Словно закодировала сама себя, вообразив, что беременеет с одного раза...

А он оказался молчаливым. Водил ее не на общий пляж, а вдаль, за поселок, за валуны. Заставлял загорать неглиже, необидно обсмеяв ее закрытый купальник, сам тоже загорал голым. Но эротики в их отношениях на берегу не было. Она уже было списывала на свое стареющее тело, становившийся в последние годы все мягче и мягче живот. Но он, словно подзарядившись от солнца и моря мужской силой, показывал темными ночами, насколько она ему была желанна...

А днями он жарился на солнце, смотрел на море, или заплывал далеко, заставляя ее беспокоиться. И лишь однажды вдруг рассказал что-то очень длинное про ежиков, про их ночную жизнь, про то, как они смешно трахаются, с какими стуками и звонами, как колют друг друга иглами... Вероятно, у нее было лицо разбухнувшей ханжи, потому что он осекся, замолк и больше монологов не произносил. Она лишь уяснила, что он из Екатеринбургa, что там плохая экология, и что работает по специальности - инженером-микробиологом. А она зачем-то наврала, что учительница... А личной жизни в немногословных разговорах они не касались.

Иногда она, разомлев на солнце, в мыслях уже рисовала совместную жизнь - ну и что - молодой. Работать можно устроить в педуниверситет. Или СЭС. Но потом вдруг брала себя в руки...

Нет, он не давал ни малейшей надежды на продолжение романа. Он даже не строил из себя джентльмена - когда однажды вечером она сказала, что надо бы проснуться пораньше, сходить купить билет домой, он даже не пристал к разговору, не вызвался сходить с нею. А когда уходила, он проснулся, но все-таки с ней не пошел. И она - не заигрывала и ничего не просила - не привыкнув играть на том, что она женщина, перед ним она тоже, как ей казалось, не унижалась.

Не пошел он ее и провожать до вагона - лишь посадил на автобус, идущий на вокзал, подал вещи и помахал рукой. И когда она, справившись с лицом, насильно натянув улыбку, выглянула в окно автобуса, то увидела лишь удаляющуюся косичку с резинкой на конце, подпрыгивающую от ходьбы.

С ней в купе ехала северная семья с каким-то южным, по ее мнению, укладом: обилие средств и непомерная скупость переплетались в закрытой подозрительной женщине, делали ее весьма неприятной особой. Разговоры ею велись, нарочито игнорируя попутчицу. Зато ее муж - большой, веснушчатый, усатый мужик с лицом, самоуверенно выражающим, мол, знаю вас, знаю, что вам, бабы, надо, все пытался поговорить с Леной, правда, в коридоре и купе в отсутствие жены... А Лена, глядя на их упитанного парнишку, четко чувствующего настрой матери, и абсолютно солидарного с нею, пацана, не утруждающего себя обычной вежливостью, вдруг поняла: ей не хочется иметь - такого. Где она была - чтобы решиться иметь спиногрыза, эгоиста, непрестанно жующего, требующего на каждой станции: «Купи! Дай!» И... чем она будет его кормить? При виде этого реального пацана, требующего то газировку, то мороженое, поедавшего полкурицы - столько мяса ей одной хватало на неделю, - показались безумными и ее скудные сбережения, и надежды на свою картошку и помощь коллег.

И она, вся в немом ужасе и оцепенении, словно робот, практически на автомате, выходила из душного вагона на бесчисленных, сливавшихся в одно, полустанках, и приценивалась, и торговалась, и высypала бесконечные ведра в припасенные картонки, пока денег не осталось только на такси... Впрочем, наверное, ехать можно и на троллейбусе, и она должна, она может все это допереть: каких-то там метров двести ведь всего от остановки! Нет-нет, только на такси, никаких грузов, ведь - а вдруг?!

Все время ей очень хотелось знать: везет в себе она ребенка или нет? И, может, надо было еще остаться? И если все было зря, не сегодня - завтра это может стать ясным....

А ночью она вдруг почувствовала, что нет, не хочет она ребенка, она хочет, чтобы рядом был мужчина - пусть такой вот, неразговорчивый, молодой, с хвостиком. И снова спохватилась - а вдруг тот, кто должен был поселиться в ней услышит ее отречение от него. И отторгнется, и бросит...

...Сгнившей оказалась не только тюль. Синтетический коврик перед кроватью превратился в прах. едва она взялась за него. линолеум, положенный на паркет в крошечном коридоре вдруг скукожился - как скатывается обжаренная на солнце кожа.

Губка в ванной, яркий, еще гдзевровский халатик, про который она думала, что ему не будет сноса, превратился в пыль, оставив в руках нитки, которыми она зашивала прорехи под мышками.

В дверь постучалась соседка:

- Леночка приехала? Как отдохнула? Сейчас я тебе цветочки принесу. Вот эта гортензия скучала без тебя. скучала... Я уж думала, что погибнет... - но, глядя на серебристую пыль, обильно рассыпанную по полу, вдруг вскричала брезгливо:

- Моль? Ну, ну, наводи порядок, как-нибудь зайду...

А Лена уже открывала платяной шкаф, и оттуда выгребала все тот же серебристый мусор. И только льняные простыни и хлопковые вещи сохранились среди этой золы. И непонятно, что случилось и почему. И в чем она будет ходить осенью - ее куртка осталась висеть на плечиках хэбэшной подкладкой, а отвратительные серые куски ее просто упали под ноги. И даже целлофановая упаковка - «200 лет должна пролежать в земле, чтобы начать распадаться» - вспомнила она курс институтской экологии - рассыпалась.

С суеверным ужасом она выдвинула нижний ящик. Туда она намеревалась складывать приданое малышу. Игрушка ее детства - облупленный деревянный Буратино на вытянувшихся резинках был цел. Здесь же, в разрушившемся целлофановом пакете была единственная вещь, которую она привезла из родительского дома. когда те умерли: маленькая русская косоворотка. Шитая ее прабабушкой на руках, из белого полотна с синей домотканой тесьмой по вороту. В ней, как сказала бабушка, крестили ее отца... Рубашонка была малюсенькая, но сшита как на взрослого. Она была цела. Лена встряхнула ее, и, глубоко вздохнув, вдруг успокоилась. Не торопясь, бережно положила вещь на протертую полку пустого шифоньера, на нее же усадила и игрушку. Затем наклонилась, смочила тряпку и стала мыть пол.

АНТОН ЧЕРНЫЙ (ВОЛОГДА) НОВЕЛЛА С ИНТЕРТЕКСТОМ

Это было солнечным мартовским днём... Наверное, тысячи писателей начинали свой рассказ с такой фразы... Но всё дело в том, что тот день был особенный. В тот предпраздничный день я встретил её. Предпраздничным он был потому, что весь наш полурастаявший город готовился к восьмому марта, усердно заготавливая открытки, подарки и прочую поздравительную мелочь. А я в тот день, того не ожидая, получил подарок сам, хотя, как вы уже могли догадаться, никоим образом к женщинам не принадлежал. Вот как это было...

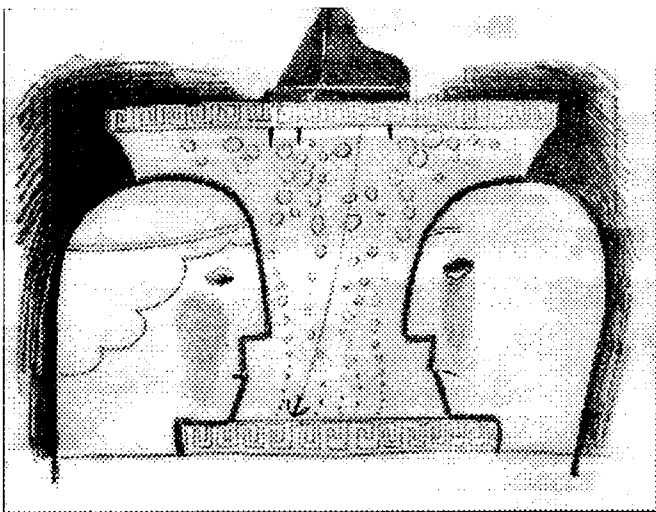
Перейдя перекрёсток Батюшкова и проспекта Победы, я пошёл прямо по тротуару, вдоль коричневого забора. Вступая на тротуар, я ещё не подозревал, что впереди меня идёт она. А она действительно шла шагах в пяти от меня, одетая в тёмно-серое пальто с опушёнными мехом рукавами и чёрный берет. В руке у неё болталась чёрная сумка...

Поначалу я не обратил на неё внимания, но потом заметил у неё руке вместе с сумкою цветы, те самые, которые «первыми почему-то появляются в Москве весной!». Тёмное драповое пальто, мимозы... Я с первого взгляда узнал свою суженую. Сразу в голове всплыли строки: «Весна... И вновь мимозы стреляют жёлтым в небо. И ходят Маргариты по тающим проспектам...», и весь окружающий меня мир с его беспримечательным Солнцем, с рабочими, чистящими заснеженные крыши, с весёлой суতোлокой гудящих машин, похожих на толпу цыган - всё это представилось мне настолько совпадающим с тем, что я видел в прошлой своей жизни, что дыхание у меня перехватило, а слух застыл в предвкушении, что вот-вот она обернётся и обязательно скажет:

- Нравятся ли вам мои цветы?

- Нет, - должен буду ответить я, хотя готов целовать эти цветы, любить их не меньше, чем её саму...

- Вы совсем не любите цветы? - спросит она тогда слегка удивлённо, а я, не в силах себя перебороть, отвечу, что люблю розы, уже точно зная, что сейчас она выкинет эти живые жёлтые крошки в канаву, а мне придётся их подбирать, а она опять их вы бросит... о, Боже!.. Это было невыносимо! Она шла, слегка оборачиваясь на меня (а может быть и не на меня) через плечо, и молчала, молчала! Кругом всё пылало безудержным восторгом предвкушения Весны, приближения её, а она молчала... молчала, зная, что за ней иду я, зная, что следующего раза уже не будет...

н. черкасова - коники ↑

яна долинская (москва)

НЕВИННЫЕ КОНИКИ

Действующие лица:

Авгнй – человек, создающий идеи, мыслящий.

Геракл – его друг, человек, внедряющийся в мысли.

Кабинки слева направо:

Старый конь – глава семейства.

Лошадь старая – его жена.

Белая кобыла – дочь.

Жеребец – старший сын.

Мерин I – младший сын.

Мерин – его друг.

Нагой поэт.

Декорации: шесть прозрачных кабинок из оргстекла с двойными стенками для проведения подсветки и наполнения водой. За кабинками на деревянной подставке (выше кабинок) корпус рояля с подсвеченными клавишами. Второй рояльный корпус подвешен в глубине сцены (левее). Справа три прозрачных тоннеля с отверстиями, выходящими на деревянную подставку. Сцена и деревянные постройки обиты поролоном, для беззвучного передвижения актеров. Вокруг декораций рельсы для движения «дерева». От потолка до кабинок спускаются винтообразные перила. Кони в одежде из последней коллекции «Benetton», на головах парики с длинными кудрями.

СЦЕНА I.

На сцене темно. Геракл спускается на сцену сверху по светящимся перилам. Стучит в потолок кабинки Жеребца.

Геракл. (шепотом). Жеребец, ты спишь?

Кабинка загорается. Жеребец спит на кровати головой вперед. Геракл пытается дотянуться до него рулоном бумаги. Жеребец мгновенно пробуждается.

Геракл. Я придумал для тебя инструмент, который будет петь твоим голосом. Пальцы как тонкие трубы ложатся на него. Смотри.

Геракл разворачивает рулон белой люминесцентной бумаги над кабинкой Белой Кобылы, кладет сверху пальцы в черных, удлинённых напалечниках.

Геракл. (кладя два пальца). Два. (другой рукой) Три.

Жеребец снизу подхватывает рулон и показывает такие же пальцы в напалечниках.

Жеребец. Три, два.

Соседние кабины, не загораясь, подхватывают рулон.

Лошадь Старая. Три, два.

Мерин. Два, три.

Старый Конь. Три, два.

Мерин. Два, три.

Жеребец отпускает рулон. На бумаге остаются кровавые следы пальцев.

Жеребец. Это что миксолидийский лад? (поет нисходящую гамму 3 тона, полутон, 2 тона, полутон). Пальцы поочередно отпускают рулон, последними его держит Лошадь Старая. Она укрывает его в своей кабинке.

Жеребец (протягивая руки Гераклу). Геракл, у Вас такое было, видишь сон...

Загорается кабинка Белой Кобылы. Она хватается Жеребца за ноги. Жеребец опускается к себе, а Белая Кобылица протягивает руки Гераклу.

Белая Кобылица. (продолжая речь Жеребца) пытаешься пересказать его.

Жеребец подсаживает Белую Кобылицу снизу.

Жеребец (продолжая Белую Кобылицу) и понимаешь, что это подсознание бьет с той стороны глаз.

Геракл поднимает следом за белой Кобылицей и Жеребца. Они идут к роялю Жеребец в центре Белая Кобылица и Геракл сидят в профиль. (кабинки гаснут).

Жеребец. А ты не понимаешь, ты ничего не понимаешь. А потом все успокаивается, все затихает, проходят вторники, среды, среды, вторники. И вдруг, ты наблюдаешь вокруг себя ситуацию, которая знакома тебе. И ты захлебываешься собственным дыханием. От того, что это твой сон вышел в явь.

Белая Кобылица. Я тоже всегда их узнаю.

Жеребец. (опускаясь на колени) Что это Геракл? Объясни мне.

Геракл. Зациклился на одном из кругов спирали, проходишь во второй раз. Ты ждешь такой сон?

Геракл. Ты видишь себя со стороны?

Жеребец. По-разному. Иногда я смотрю собственными глазами, а в другой раз действительно наблюдаю себя.

Белая Кобылица. От куда ты знаешь, что это ты?

Жеребец. (поворачивая голову в сторону Белой Кобылицы) Не знаю. Это было явно.

Жеребец перемещается к клавиатуре рояля, начинает играть и петь.

Жеребец. (поет).

Мы жили на луне,

Брели по кругу,

Ты шел за той, что впереди,

Я за тобой.

Мы никогда не видели друг друга,

Ты шел за той, что впереди,

А я спускаюсь вниз.

Заглядываю в свой стакан, налитый до краев,

Мне кажется, там кто-то есть,

Я спрашиваю – мне не отвечают,

Смотря в себя, я понимаю – он ушел.

СЦЕНА 2.

Загораются кабинки Меринов. Мерин (в очках и халате) сидит в кресле, ноги в тазу, (обмазывает бутылку пластилином, прикрепляет к ней вишневые косточки, затем красит). Мерин I (тоже в очках) лежит на кровати с тетрадкой и карандашом.

Мерин I. Послушай вот это:

кресло еще неподвижно в качнувшемся теле,

(смято и брошено),

через минуту

рамы оконные сорваны с петель.

ветер нагой заметался у ног

щелк!

в трубке, раскуренной травы блаженные

(порвано).

над подоконником ртутные звезды,

стекая в заре испаряются,

катятся,

каются.

Мерин. (выставляет руки из кабинки) что это? Капли? (смотрит вверх) (Геракл поливает кабинки из лейки). Ах, перестаньте, это смешно. Вам только шкуры на плечах не хватает, подайте лучше вина.

Мерин I. Нет, это все не то. Вот, когда я слышу голос Гены – меня охватывает такое волнение, что оно становится зримым: руки начинают ходить дикой дрожью.

Геракл. (подает открытую бутылку и два бокала), (с сарказмом) прошу вас, Мерин.

Мерин. (беря бутылку), для вас, Геракл, я не Мерин, а Мерин.

Геракл. О, боже ты мой, прости. (удаляется).

(Мерин наливает вино в бокал, подает Мерину I, наливает себе).

Мерин I. Это стыдно! Но я представляю его нагим.

Мерин. Геракла?

Мерин I. Гену.

Мерин. Почему нагим?

Мерин I. Не знаю, это необъяснимо, то есть это к стихам не имеет никакого отношения, но когда я закрываю глаза, я вижу его нагим.

Мерин. (пия вино) В этом нет ничего дурного. В Гене сочетается и прекрасный поэт, и замечательный человек. И твои ассоциации объяснимы. Его нагота неотделима от его текстов и потому для тебя это единое, целое.

(слышится голос поэта; тихо звенят колокольчики: поэт стоит нагой на стеклянном дереве, движущемся мимо кабинок, у него «р» звучит по-французски).

Поэт.

Забетонированный колодец – уличный туалет.

до-о-олго летит камень – вернется плевком на
исходе лет.

Банка-копилка с прорезью в крышке –

Как закатанные огурцы в ней мяжки и беленькие
по 20 и 5 копеек.

За палисадником на Глории желтых глазах

банка разбита.

Мама! В конце улицы зимний лес:

еж под радиолокатором,

А у ночных волн под фонарем двое.

Птиль на заднем сиденье «Победы».

Кукла в латышском костюме, не купленная никогда

И белой свежести хризантема.

Ласты и гарпун.

В масле кипящем пончики с абрикосами.

Вымазан синей шелковицей рот.

Сколько ступеней до Митридата в лаковых черных
туфлях размером 29?

(поэт проезжает мимо них, не обращая никакого
внимания).

Мерин I. Господи, ты видел?

Мерин. Что?

Мерин I. Гену! Он только что был здесь! Совершенно голый!

Мерин. Твои фантазии прекрасны.

Мерин I. Да, нет же. Он был здесь, прямо перед нами.

Мерин. Выпьем же за него!

Мерин I. (переворачивается на спину; голова свисает с кровати, руки в стороны) господи, если бы я мог писать как он, или хотя бы произносить звуки как он (вскакивает и бежит в глубь сцены).

Мерин. Куда ты? (вынимает ноги из таза) Мерин I! (следует за ним).

(кабинки гаснут).

Мерин I. (слева, в глубине сцены). Я хочу понять, что такое вдохновение. Я хочу получить его во что бы то ни стало. (на веревках с крепежом для ног они поднимаются на высоту рояля).

Мерин I. Сыграй, прошу. Мне так тошно от собственной невыразимости.

(Мерин играет в подвешенном состоянии).

(загораются кабинки Старого Коня и Лошади Старой).

Старый Конь. (сидит на коленях в профиль, крепит на деревянную раму лист, начинает на нем рисовать карандашом).

Лошадь Старая. Посмотри, жеребец опять играл на рояле.

Старый Конь. И что?

Лошадь Старая. Как что! (растягивает перед ним рулон бумаги) посмотри, вся клавиатура в крови. Боже, мальчик страдает от экземы. Ему нельзя играть на рояле. Кожа его пальцев уже не просто в трещинах – это незаживающие раны.

Старый Конь. Думаешь, надо поговорить с Гераклом?

Старая Лошадь. Нет, Старый Конь. Без музыки заживут его пальцы, заживет его душа, его уши, его глаза. (снимает со стены висящие головками вниз сухие розы) Все покроется твердой корочкой! Что ты пишешь? (заглядывает к нему).

Старый Конь. Я рисую музыку, такой, какой я ее мыслю!

Старая Лошадь. Это какая-то особенная музыка.

Старый Конь. Нет, это музыка, которая звучит в моей голове. Я никогда не смогу сыграть ее, так как эта музыка лишь мыслима мной.

Лошадь Старая. Мыслима? (обрывает лепестки роз, складывает в маленький мешочек).

Старый Конь. Неужели ты, Лошадь Старая, не можешь принять во внутрь себя мысль, что не все может быть зримо и объяснимо?

Лошадь Старая. Я могу принять во внутрь только то, что впоследствии даст мои индивидуальные ростки.

Старый Конь. Ты говоришь...

Лошадь Старая. Как Авгий!

Старый Конь. Да.

Лошадь Старая. Что-то его давно не видно.

Старый Конь. Что соскучилась?

Лошадь Старая. Да, нет. (нюхает мешочек) М-м! Запах летних роз.

Старый Конь. Что ты вдруг о нем вспомнила?

Лошадь Старая. Не знаю, просто.

Старый Конь. Просто. Думаю, что не просто. Если Авгий придет сюда, Гераклу не будет места. А твои дети лишатся невинности.

Лошадь Старая. Какой еще невинности?

Старый Конь. Такой! Невинности перед миром. Незнание внешнего мира, которым одарил тебя Геракл, разве ты или твои дети знаете, что такое земля, работа, тяжесть? Ты целыми днями плескаешься в ванной, пишешь не пойми какие картины, ночь восхищаешься луной, слушая мой не пойми какие стихи!

Лошадь Старая. Перестань. Что все это значит?

Старый Конь. А то! Что как только Геракл уйдет, тебя сгонят с кружевных подушек, запрягут в телегу

и будешь яблоки возить из авгиева сада, а ночью твои ноздри наполнит запах стойла...

Лошадь Старая. Замолчи. Я не понимаю о чем ты говоришь. Разве Авгий сейчас не здесь?

Старый Конь. Он ходит совсем рядом, но жалеет нас, вот и не приближается.

Лошадь Старая. Да, что ты такое говоришь? Я ведь помню как Геракл и Авгий жили здесь вместе с нами, и это были чудесные дни. Разве ты не видел, как Геракл обожает Авгия?

Старый Конь. Видел! Это обожание и сорвало кожу с Авгия. Геракл пришел и просто остался жить. Авгий опомнился лишь, когда почувствовал, что ему больше нигде укрыться, он утратил свое одиночество, повсюду Геракл!

Лошадь Старая. Разве это плохо, когда твой друг, дышащий надежностью...

Старый Конь. Дышит тебе в лицо и искренне улыбается, хочешь сказать? Воздух перенасыщен!

Лошадь Старая. Обожание, причиняющее боль. Разве такое возможно?

(загораются трубы справа, по ним спускаются Геракл и Белая Кобыла; кабинки внизу гаснут; звучит музыка, они танцуют, держа в руках коктейли, Белая Кобыла снимает с себя парик, натягивает его на Геракла, обнимает его)

Белая Кобыла. Геракл, я люблю тебя!

(Геракл изменяется в лице, убирает руки Белой Кобылы со своих плеч, садится на рояль лицом в зал, Белая Кобыла садится рядом, достает из сумки мундштук, вставляет сигарету, курит, ее пальцы дрожат, она придерживает руку второй рукой, тихо плачет)

Геракл. Я не могу, понимаешь?

Белая Кобыла. Ты занимаешься любовью с Жеребцом?

Геракл. Ты что с ума сошла?

Белая Кобыла. Думаешь, я не видела его воспаленных глаз?

Геракл. Я ничего не делаю с ним! (сбрасывает парик) Я не занимаюсь любовью ни твоей матерью, ни с твоим отцом, ни с твоими братьями, ни с тобой! Хотя мог иметь любого. Но я не сделаю этого никогда, понимаешь?

(загорается третья труба по ней спускается Жеребец)

Жеребец. О чем спорите? Я написал, написал пьесу.

Геракл, я хочу, чтобы ты послушал.

(кабинки закрываются двойными стеклами): (жеребец садится за рояль играет, Геракл и Белая Кобыла слушают). (во время игры, загораются закрытые стеклом кабинки, двойная стенка наполняется пузырьковой жидкостью, подсвеченной красным светом: жидкость должна в дальнейшем стать гелеобразной; с левой стороны сцены появляется Авгий).

Авгий. (Гераклу). Спустиись сюда.

Белая Кобыла. Господи, Авгий! (закрывает лицо руками), (жеребец прекращает играть).

(Геракл спрыгивает с красных кабинок вниз)

Геркл. Я так рад, что ты вернулся.
Авгий. Хватит, хватит! (закрывает руками уши), (кричит ему в лицо), я устал от бесконечных мучений, мои пальцы искушены моими же зубами, боль стала вечностью!
Геркл. Проню, успокойся. вина Авгий. Не смей мне это говорить. Я, я, я... (снимает с себя ремень, валит Геркла на пол, душит), падла!
Геркл. (оттягивая ремень) останись, кони смотрят.
Авгий. (бросает ремень) да пошел ты! (стоит на коленях) Кони! Что ты с ними сделал! (жеребцу и Белой Кобыле) пошли вон! (они убегают).
Геркл. (возбужденно) Ты, что думаешь, я все это ради них делал? (пытается взять Авгия за руки. тот быстро дергивает). Да мне плевать на их духовное совершенствование! Хочешь, я убью их прямо сейчас?

(Авгий бьет со всей силы Геркла в лицо), (Геркл удерживается на ногах).
Авгий. Это мои мысли. Это были мои мысли. Нереальное воплощение коней, в которое я тебя не звал... уходи, я больше не могу, прочь, хватит. (металлическим прутом бьет по кабинкам зван стекла). Я избавлюсь от вас – мысли, которые когда-то ... господи, как больно (садится на пол, лицом к залу, обнимает голову руками).
(Коники собрались на рояле, поют многоголосный хорал на «а», а-капельно).
Авгий. Рожденная мысль, выпущенная из головы, уже не моя, почему же мне так больно, от ее новой, собственной оболочки. от ее автономности. я не хочу этих изменений.

Занавес

руфь рафалович (вологда)

МАЖУ МАСЛОМ БУТЕРБРОД - ДУМАЮ: ГДЕ ЗДЕСЬ РУБЦОВ?

Вышел в свет № 19 вологодского альманаха «Автограф», издаваемого местным нашим рубцелюбом и рубцеведом В. Белковым. В своем незабвенном труде «Сто историй о Рубцове», изданном несколько лет назад, он, помнится, старательно перечислял все магазины, в кои хоть раз попутно и случайно занесло поэта - чем, несомненно, обогатил рубцеведение и наполнил законной гордостью сердца всех неравнодушных к родному городу вологжан.

Однако на сей раз поставленная им задача поистине грандиозная. В обзоре новых изданий он попытался взглянуть на обзираемую им литературу под специфическим углом зрения: упоминается ли там и в каком контексте! - имя Н. Рубцова. И с горечью констатировал: в большинстве изданий о Рубцове не упоминается ни слова.

То, что тематика литературы при этом, мягко говоря, имеет очень опосредованное отношение к Рубцову, ничуть авторов не извиняет. Разумеется, от таких русофобов, как Ст. Рассадин, что еще и ожидать. Но даже русолюбивый В. Гусев на сей раз оплошал. На профнепригодность, как Рассадину, Белков ему не указал, но порицание выразил...

Начинание В. Белкова имеет широкие перспективы. Судить о книге с точки зрения того, что не составляет ее предмет - это, несомненно, новое слово в критике и литературоведении. Хочется подсказать автору статьи еще ряд книг, интересных в свете выбранного им направления: о Рубцове ни словом не упомянуто в Библии, в «Слове о полку Игоревом», в «Капитале» Маркса, а также в «Справочнике» лекарственных растений и «Сборнике задач по физике для 9 класса средней школы».

«НАЕДИНЕ С РУБЦОВЫМ» Как видно уже из названия, книга посвящена Н. Рубцову, прекрасному поэту и ныне признанному классику русской

литературы. Написанная без особых литературных изысков, просто и безыскусно, читается она легко, и, что называется, затягивает. Я читала ее до шести утра и не могла оторваться. Автор книги - вологодская журналистка П. Старичкова - была близким другом поэта. В своих воспоминаниях она рассказывает о встречах и разговорах с Николаем Михайловичем, вспоминает интересные черточки и детали из его жизни.

Не со всеми авторскими оценками можно согласиться. Например, эпизод столкновения Рубцова с Фазу Алиевой, на мой взгляд, свидетельствует не столько о патриотизме, сколько о неуравновешенном характере поэта. Однако точное воспроизведение сцен, подобных этой, ценно само по себе. Их них складывается целостный и правдивый, хоть порой и мало достойный подражания образ поэта.

Удалось автору точно передать атмосферу 60-х годов, приметы вологодской жизни тех лет. Отдельные места навевали на меня ностальгические воспоминания о детстве. Но особенно книга интересна тем, что она не только о поэте, но и о женской судьбе. С подкупающей искренностью автор рассказывает историю своей любви, как принято говорить - несчастной, но, разумеется, при этой и счастливой, как каждая настоящая любовь. Жаль, что Н. Старичкова, способная поэтесса (стихи ее Рубцов хвалил) не сумела развить свой поэтический дар и светит нам лишь отраженным светом. Но особенно остается пожалеть о том, что в силу скромных финансовых возможностей книга вышла по подписке, очень маленьким тиражом, и малодоступна обычному читателю.

С Толиком я познакомился ночью на улице. Мы были нетрезвы и разговорчивы. Я дал ему свой телефон. Как-то вечером он мне позвонил и предложил двухтомник Бродского за бесценок. Я, конечно, согласился. Прибежал по указанному адресу. Вы видели дом Толика? Двухэтажный перекошенный дом с нависшим над землей балконом. На этом балконе, грозившем рухнуть, стоял Толик - лысый, маленький, очень смешной.

- Ты что, пьян? - приветствовал я его.

- Да. Заходи.

Я с трудом открыл тяжелую грязную дверь и зашел. В полумраке поднялся на второй этаж. В большой комнате, имевшей форму призмы, среди пустых перевернутых шкафов, на пыльном полу сидел Толик и глупо улыбался.

- Принес? - спросил он.

- Что? - спросил я, робко оглядываясь.

- Деньги!

Я протянул Толику двадцатку. Он немедленно принялся колотить кулаком по полу. Тут же прибежали какие-то бабки и продали Толику бутылку самогона, что ввело меня в оцепенение, но все же я спросил:

- Толик, а где Бродский?

- Вот, - ответил Толик и достал из стандартного чемодана толстенную книгу в бархатном переплете бордового цвета. Естественно, это не был Бродский, это был каталог. Мелким почерком в нем были записаны все мыслимые книги Земли! Все книги! Всей земли! На всех языках.

- Здесь нет только пергаментов и рукописей в свитках. Ну и само собой - того, что уничтожено - чего нет вообще, - раздался голос Толика.

- Господи! Что это?

- Это каталог книжек моей матери. Есть еще деньги?

Я протянул Толику двадцатку. Он стал колотить лбом об пол, прибежали бабки... раза три-четыре...

Я очнулся в вытрезвителе.

Вечером ко мне позвонил Толик.

- Ты по-испанки читаешь? - спросил он.

- Нет, а что?

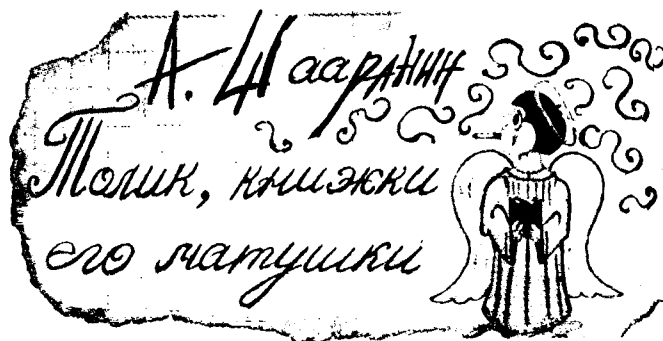
- Плохо, раз не читаешь. Ну, тогда на русском... покупай у меня Борхеса. Пять книжек за двадцатку.

Я достал из заначки все деньги и побежал к Толику. Он постучал рваным ботинком по полу. Прибежали бабки...

- Где Борхес? - Строго спросил я.

- Вот, - ответил Толик и достал из-под дивана каталог книжек его матери, огромную книгу в бархатном переплете бордового цвета.

- Толик, Толик! Подожди! - запротестовал я. - А где твоя мать? А где все эти книги?

- Мама умерла, а книжек пока нет, - ответил Толик, глупо улыбнулся и принялся прихлебывать из шерботой чашки самогона.

- Что значит - пока?!

Толик не отвечал, зверски колотил ботинком по полу. Прибегали бабки, приносили самогона. Я очнулся в вытрезвителе...

Вечером позвонил Толик и сказал:

- Покупай за двадцатку Беркли, но учти - на латыни.

Я прибежал к Толику и снова заорал:

- Вот! Вот последняя двадцатка! Где Бродский? Где Борхес? Где все это?! Беркли - где?

- Потше, - сказал Толик, глупо улыбаясь, и подал каталог книжек его матери. И опрокинул пустой стеллаж на пол. Прибежали бабки...

Мы пропили все из моей квартиры. Осталась только кровать со сломанной ножкой. Через неделю я очнулся. Толик не звонил. Мы и телефон, и телефонные провода пропили. Просто пришла милиция, меня забрали и вот я здесь...

- Бред какой-то, - сказал следователь, прочитав.

- Возможно. Я вас понимаю. Сам когда-то был ментом, - слабым голосом произнес я. - Но ведь все так и было.

- Ладно, подпишись под каждым листом и иди.

- Подождите. А Толик где?

- Пить надо меньше. Толик твой под поезд бросился.

- Господи, дак он что - мертв?

- И очень даже сильно. Еле от рельсов отскребли. Видимо, белая горячка. Иди домой.

И я пошел домой. Там я упал на уцелевшую кровать и так лежал три дня. Без воды (мы и сантехнику всю пропили), без еды, без сна. Лежал, пока ко мне не стали колотиться в дверь и кричать:

- Открывай! Мы знаем, что ты здесь.

Я добрался до двери и открыл. На пороге стояли два мужчины в синей форме.

- Вы кто?

- Я начальник вокзала, - ответил один. - А это начальник почты. На твое имя пришло семь товарных

составов. Быстро распишись и забирай их на фиг! Они движению мешают.

- А что в них?

- Книги всякие.

- Книги?

Сознание мое помутилось. Все книги земли - теперь мои. Все, на всех языках! Кроме, конечно, пергаментов и рукописей в свитках. Ну, и само собой тех, что уничтожены и тех, которых вообще нет...

Что касается Толика, то он, видимо, бросился под один из поездов, шедших на мое имя. Несмотря ни на что, он сейчас в Раю, а там ведь не нужны книжки. Разве что каталог его матери в бархатном переплете бордового цвета.

андрей наугольный (вологда) СИНДРОМ САКАНСКОГО

ожерелье цербера

Размышления по поводу романа Сергея Саканского «Когда приходит Андж»

Андж - возможно, Надежда или Джан, что означает по А.Платонову - душа, которая ищет счастья (туркменское народное поверье), а может, и нет...

Роман С.Саканского - буйное кладбище литературных аллюзий, поэтому и начну я с цитаты из классика. Итак, Ш. Бодлер, "Плаванье":

Что нас толкает в путь?

Тех - ненависть к отчизне,

тех - скука очага,

еще иных - в тени

Цирцеиных ресниц оставивших нолжизни -

Надежда отстоять оставшиеся дни.

"Надежда отстоять оставшиеся дни" влечет С.Саканского. Но вот куда? Идти ему собственно некуда. Он - творец, демиург, тиран своего детища, он присваивает себе власть над словом, которое, как известно, от Бога и ему же принадлежит. Беспардонно присваивает и разглядывает свой роман - мир - миф с высоты птичьего полета, точнее, из горних высей и далее, где, видимо, и находится его обитель. Так, например, описание г. Санска (перевертыш - пустыни Паска, рисунков в пустыне, увидеть которые можно только из поднебесья) производится с борта аэробуса ИЛ-86. Иногда, правда, Саканский действует, как проктолог. Но чаще - с облака, так как он - одинок и свободен, как Бог, беспрерывно любующийся своим творением. Ясно, что он ни от кого не зависит и никому ничего не должен. Вот она - провокация, иначе говоря, бунт. Слово от Бога, талант от Бога, следовательно, существует иная, реальная иерархия, а также - такое понятие, как долг. Например, из Й. Хейзинги "Хомо Луденс" - "Англия не ждет, что каждый станет героем. Англия ждет, что каждый выполнит свой долг". (Отсылка к Й. Хейзинги есть в романе). А вот и литературная параллель - М. Пруст,

глава о смерти Бергота из романа "Гленница". предсказание-манифест:

"Единственно, что тут можно сказать, это что все протекает в нашей жизни, как будто мы в нее вошли с грузом обязательств, принятых нами на себя в предыдущей жизни." В общем, долг, долги, а иначе - кукольный театр, а вместо писателя - опытный кукловод, расчетливо дергающий за нитки. Иногда, когда автор в ударе - это интересно, но зачастую, конечно - тупик Д. Галковского. Правда, Пушкин писал - себе лишь самому служить и угождать, но это в жизни, а не в литературе. Тем более, что в этом стихотворении сам Пушкин спрятался, оно так и называется "Из Пиндемонти." Спрятался Пушкин. Прячется и С.Саканский, прибегая для этого к различным сильнодействующим средствам, например, к пердежу, причем, вполне литературному. (Данный нердеж позаимствован автором у - Чарльза Буковски, из его "Завсегдагая бара". Был и фильм такой снят, где очень талантливо пердит Микки Рурк). И прочие аномалии и извращения, роковые уловки и ловкие экивоки: педофилия, наркотики, онанизм.

Из гуши повествования непрерывно выглядывает Набоков или его робкий ставленник С.Соколов. Водокачка, поселок НКВД, нимфетка и приходящий к ней Приходько, слабоумие и изысканные праздники детства, все это всю резвится в романе, повторяясь и путаясь. Но игра игрой, а двигаться-то куда-то надо. Выбор сделан: Когда Приходит Андж, возникает непреодолимое желание переписать существующую, опять же только в романе, реальность. Вот тут и появляется главный герой - Ю В. Трифонов, генеральный конструктор городской прозы нынешнего периода русской литературы. Именно он является создателем модели, по образу и подобию

которой нынче все и делается. Итак, роман "Время и место": "Москва окружает нас, как лес. Мы пересекли его. Все остальное не имеет значения." Лес, город-лес, где глухо, как в подводной лодке, а маленькие и мелкие людишки мучительно страдают от одиночества, испуганно ахаясь второпях. В очередях, на банкетах и в подворотнях. Там, где чисто, светло. И там, где грязно и темно. Мучаются и вымучивают-таки лекарство от страха и одиночества. Как? Романы пишут, как С. Саканский.

Ю. В. Трифонов пишет о писателе Антипове, который пишет роман о писателе Никифорове. Он так и называется: "Синдром Никифорова." Роман о том, что время уходит, а места себе в нем ты так и не нашел. Но... "нам не дано предугадать, как наше слово отзовется, но нам сочувствие дается, как нам дается благодать." И говорит Ю. В. Трифонов устами другого своего героя, писателя Киянова, что надо писать о страданиях. Есть страдание, есть.

Конечно, себя - любимого или беспрерывно презираемого, а в прошлом и людей, униженных и оскорбленных. И временем, и местом. О себе пишет, но перед зеркалом не торчит. Некогда ему, жизнь-то проходит, а переписать ее нельзя, и за двойника не спрячешься, так как сам же его и выдумал. Трифонов, вернее, его персонажа, писателя Антипова - роман "Синдром Никифорова," у Саканского, точнее, его персонажа - Анджа. роман "Герой." Антипов как писатель состоялся, Андж гибнет, задохнувшись от графоманства и прочих житейских мерзостей. Андж гибнет, но Саканский - Саканский очень даже здоров. И человек умный, и теории интересные излагает, а главное - лирические монологи блистательно произнести способен. Например: "Таких как она, ты любишь всю жизнь, из-за них ты готов прострелить свою или чужую голову. Из-за них ты лезешь наверх, пытаешься приобщиться к классу избранных, богатых и власть имущих. Ты совершаешь подвиги, географические открытия, пишешь картины и романы - с единственной целью объяснить ей этот мир, доказать ей, что ты действительно существуешь, бедный, ты никогда не достигнешь цели, она никогда не ответит на твою любовь, слышишь?"

За такое многое можно простить. Простить, и значит, вспомнить и возвратится, как Одиссей. Или как Веничка Ерофеев. Царица Небесная, как далеко до Петушков! Далекое. Но подлинная проза сама по себе всегда - поэзия. Ерофеев - поэт, и Саканский - поэт. И оба потерянный рай разыскивают, града небесного взыскают, каждый по-своему, конечно... Один от станции к станции, другой - из сюжета в сюжет, пьют много... Но - у Ерофеева - "Я взглянул окрест меня!", а у Саканского - "Загляну-ка я в себя!" Разные они, ребята... Веничка свободен, а Саканский свободу любит. Веничка над фразой бьется - выдавливая из себя раба и угнетая себя до гения, а Саканский фразы

громоздит, будто строит Вавилонскую башню, надеясь до небес дотянуть, да и не надо ему туда, он уже там... Это у Венички - первая любовь и последняя жалость. Это у Венички неизжитый идеализм и четвертинка в кармане, это Веничка шагает по городу Парижу по колено в триппере. Он, он! У Саканского тоже город, город-лес, которого он боится, боится до ужаса.

У Венички все другое, он человек целомудренный, он пукнуть или там отлить при людях страшится, десять заповедей вспоминая...

А у Саканского, извините, сплошная физиология... У Венички дерьма тоже хватает, но он бесстрашен, и у него - юмор. Не ирония, а юмор, за которым он, как в мавзолее или, вернее, на мавзолее, оргиаст он.

А у Саканского - оргазм, да оргазм мужской, женский, инопланетный. Веничка сострадает всем и вся, а Саканский этого не умеет, цельности нет. Он, как робот, по частям собран, поэтому можно смело говорить об эффективности работы техники письма Саканского по освоению пространства российской прозы. И, наконец, Веничка - мастер, пророк из бесплодных земель иудейских, утешитель и соболезнователь. Милый друг Веничка!

А от безмолвных пространств вселенной Саканского, о тайнах которой так много рассуждают его герои, холодом несет, и в бутылке - яд, и в кармане - то ли кукиш, то ли револьвер системы наган. Ерофеев - благ и светел, он весь - в тени завтрашнего дня, а у Саканского - климакс и запой, что, конечно, поучительно, так как Ерофеев литературу боготворит, а действительность реальную оиускает, а у Саканского все наоборот...

Поэтому зря и сравниваю, разные весовые категории, потому что категорические императивы разные, потому что родины и веры - разные, потому что сравнивать С. Саканского необходимо с Умберто Эко и его "Маятником Фуко", а также с Артуро Пересом-Реверте и романом его "Клуб Дюма или Тень Ришелье". Там он обитает, там его вотчина, логово и лежбище...

Синкретизм культуры, современной культуры, реальность полного отсутствия, породил идиотизм самореализации и самооценок. Кто поумнее и поироничнее, тот спасен будет. Именно отсюда - постоянный диалог с самим собой, "особого рода - литературная шизофрения... Бога - нет, ума - мало, а о смысле Вселенной и о музыке сфер поговорить - ой! как хочется, вот и выходит сплошная Кастанья и утомительная по своей скрупулезности игра в бисер. Зато у них все есть, как при коммунизме. И сюжеты, и интриги, и пласты, будто на рынке. Хотя - почему будто, обидно даже... Рыночные ценности, условные единицы, ложные ходы, поторговаться-то хочется! Вот вся суть... Культура рынка и рыночная литература.

А стиль? Какой такой стиль? Стиль - после Освенцима - невозможен. Оттого и стилистов нет.

сергей фаустов (вологда)

ИКОНА – ТРАНСФОРМЕР (о рассказе Липскерова «Эдипов комплекс»)

В соответствии с собственными пристрастиями и общественными традициями мне хочется для начала рассказать вспомнившийся анекдот под таким же названием, как и рассказ Липскерова "Эдипов комплекс". Доктор говорит женщине: «Вы знаете, у вашего сына эдипов комплекс!» Женщина отвечает: «Ну и что, лишь бы мамочку любил!» Похоже, что рассказ должен быть о сыновней любви к матери. В действительности же о другом.

Рассказ усиливает его заголовок - мощный, убийственный, как приговор. Ведь и история болезни. диагноз - это тоже юридический документ. Сила названия рассказа в том, что оно придает напряженную психологичность всему, о чем пишется в рассказе, каждому его слову. Даже первое предложение, состоящее из одного слова - «Гуппи» - символически насыщено. Правда, какими именно символами, в начале пока еще не совсем ясно.

Я символов не люблю, да и современная литература их не любит. Оставим без внимания также и второстепенный персонаж - Федора Михайловича, точнее, не будем поддаваться авторской провокативной ссылке читателя к Достоевскому. Не будем поддаваться на кишечные и психологические физиологизмы, потому что поддаваться на все выше перечисленное - слишком просто, а потому неинтересно.

Итак, не отвлекаясь, приступим к прочтению самого текста, чтобы брать из него то, что он в себе содержит и не искать то, чего в нем нет.

Композиция

Структура рассказа состоит из последовательного изложения историй. Схематично расположим их почастно: описание рыбки в воде, случай из детства, история происхождения дырки во лбу (выстрел). вторая история дырки во лбу (гвоздь), трепанация черепа в «Склифосовском», приезд матери в Москву, отец, путешествие матери на «Запорожье» на Сахалин, общение с дочерью Федора Михайловича - Галей, установка трубочки в мозг, самоубийство, рыбка в воде.

Как видно, композиционно рассказ незамысловат, его легко пересказать, в нем нет сложных или труднопонимаемых аллюзий. По сути описаны случаи из жизни, можно даже сказать, что тематически они не объединены ничем, как набор случаев, анекдотов.

Ключевые фразы

Возьмем в качестве ключевой фразу из той части, где мать приезжает на Сахалин: «Каким-то образом *отыскала* крупное начальство, сообщившее ей, что геологическая партия находится совсем недалеко от какой-то там сопки, где когда-то, в суровые годы войны, человек съел человека, и вот она уже *различает* палатки, возле одной из которых стоит отец, оперевшись ногой о тушу только что убитого медведя».

Здесь она (мать) сначала *«отыскала»*, а потом *«различает»*, то есть вот только что было прошедшее время, и вот уже наступило настоящее. Читатель присутствует при рождении настоящего, в сиюминутный момент от ушедшего к настоящему: мать «подходит... дает пощечину... садится... скрывается, не видит, как отец плачет... стоит женщина, тоже плачет... природа плачет, «Запорожье» не выдерживает и разваливается». Вслед за этим описанием дальнейшее повествование опять идет в прошедшем времени. Мы как бы побывали в настоящем, а потом опять уходим в прошлое.

Упомянутый эпизод автор вполне можно было бы описать в глаголах прошедшего времени. Но он заставляет читателя присутствовать наяву, во временной яви, усилив эффект воздействия. Автор играет временами, придавая усиление тем местам, где ему кажется необходимо.

Вот еще характерное место, описывающее уже отца. «Напившись, тащил меня в ванную мыть. Напускал кипятка спяну, сажал в него и принимался вести геологические разговоры.

- Эх, плохо мне, - говорит.

- Что ж поделаешь, - отвечает сам себе. - Неси свой крест и веруй!

- А я и не су... - и, тяжело вздыхая, добавляет: - Но не верую.

А я смотрел на него осоловелыми глазами и просил заканчивать с баней».

Подходя формально, можно заметить, что, то, что было раньше, оказывается настоящим, а то, что позже - прошлым. Почти в каждой части есть своя кульминация, связанная с переключением времен с прошедшего на настоящее и наоборот.

Обратная перспектива

Еще в 1997 году в своей книге «Харизма вологодской литературы» (отрывки из нее опубликованы в журнале «Октябрь» №12, 2001 г.) я писал по поводу одного рассказа Виктора Плотникова: «... В тексте рассказа спустя несколько страниц от начала и до самого конца глаголы неожиданно становятся в прошедшем времени. То ли автор не заметил, то ли это было сделано сознательно, что маловероятно. Но эффект смены времен срабатывает. Со сменой времен текст приобретает новую структуру, переворачиваются оси координат, возникает обратная перспектива, в целом смысловая архитектура текста становится, с учетом внутренних аллюзий, совершенно иной, короче говоря - постмодернизм. Из-за небрежностей, недосмотров, а может, нарочитых приемов, под шкуркой камуфляжа-традиционализма оказалось ему противоположное, произошла инверсия эстетики».

Закономерность?

Так что я был готов психологически к встрече со сменой времен в обсуждаемом рассказе. Должен извиниться за столь длинные цитаты из самого себя, но вынужден это сделать, потому что это имеет прямое отношение к обсуждаемому рассказу. Далее в «Харизме...» я писал: «Временная ось этой сюжетной линии переломилась и стала обратной - чем ближе к читателю событие по времени (а это в конце рассказа), тем дальше оно по языку. Можно провести аналогию с пространственной осью - чем дальше объект, тем больше он размером, чем по сути и является обратная перспектива, известная, в частности, в древнерусской живописи. На иконах удаленный предмет больше размером, чем ближний. Далекие горы на иконах выламываются из перспективы прямо на передний план в виде площадок. Лики святых, особенно лобная часть имеет характерную испещренность, выпуклость с боков и «вмятину» в центре над переносицей. Это следствие обратной перспективы в «ближнем», лицевом, варианте обратной перспективы в живописи». Напомню, я писал это еще 5 лет назад.

В рассказе «Эдипов комплекс» Липскеров пишет: «...А вот четырехугольная вмятина в моем лбу есть на самом деле. Глубина ее - с фалангу указательного пальца. Когда женщины меня целуют, то непременно интересуются природой происхождения такой впадины».

По сути автор описал лик святого, как он изображается на иконах. Значит эта вмятина во лбу и смена времен глагольных форм не случайны и совершенно закономерны!? Я абсолютно не допускаю мысли о том, что Липскеров мог прочесть «Харизму» и написать такой рассказ, это фантастика. Но и происшедшее тоже фантастика! Объяснение можно найти одно – существуют закономерности, возникающие не в одной голове, а в разных. Закономерность, пришедшая из иконографического письма в литературу.

Время

Воспользуюсь интеллектуальной подпоркой и процитирую Д.С. Лихачева: «Время дтвоевывает и подчиняет себе все более крупные участки в сознании людей. Историческое понимание действительности проникает во все формы и звенья художественного творчества. Но дело не только в историчности, а в стремлении весь мир воспринимать через время и во времени. Литература в большей мере, чем любое другое искусство, становится искусством времени. Время – его объект, субъект и орудие изображения». (Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. с.209.)

На этом можно ставить точку и рецензию заключить в одну фразу: «В «Эдиповом комплексе» автор изобразил лицо главного героя наподобие лика святого на иконе, написанное в обратной перспективе и усилил данный прием сменой времен глагольных форм, окружив лик набором историй из его жития и деяний матери и отца его, формализовав рассказ в виде иконы». Это не я написал, это рука моя сама написала, а то, что она пишет, зависит от прочитанного текста и взято из него.

Сломанный мир

У Липскерова временная ось изломана в нескольких местах, но эффект обратной перспективы и в тексте и в формализованном виде прямо во лбу наличествует.

Эстетика сломанного мира, содержится и в пространственно-временной архитектонике рассказа и в эстетическом смысле. Герой рассказывает историю, а потом признается - наврал. Далее следует «правдивая история», но я, как читатель, ей уже не верю, «не верую», говоря словами отца героя. По выражению Достоевского «ложь ложью спасается», а из психологии известно, что интуитивно, на основе

формулы «минус на минус дает плюс», человек не говорит ложь единожды, но дважды или четырежды. В этом рассказе «многожды». В нем ломается все, что может сломаться. «Запорожец». лодыжка... и психика в том числе. Ее излом обозначен в рассказе уже его названием.

Сломанный мир ныне не несет в себе одиозный негатив. Ломающийся мир – так точнее – более гибок, адаптивен, способен к настройке. Есть такая игрушка, которая изначально продается как сломанная – легио. Делай из нее, что хочешь. Делай, что хочешь из ломающегося трансформера. Есть один единственный элемент, который не сломался и не погнулся - гвоздь. Назначение гвоздя скреплять то, что сломалось, но я, как читатель, уже готов в этом рассказе воспринять гвоздь в каком угодно качестве. Но сначала обратимся к классике.

Метафоры

У Маяковского в «Облаке в штанах» есть такие строки, вспомнить которые навевала первопричина той самой впадины во лбу протагониста липскеровского рассказа:

*«Что мне до Фауста, феерией ракет, скользящего с Мефистофелем в небесном паркетe,
Я знаю - гвоздь у меня в сапоге/ кошмарней, чем фантазии у Гете!»*

У Липскерова гвоздь не в сапоге, он не кошмарен, а наоборот - источник наслаждения. Здесь надо понимать так, что наслаждение сильнее, «чем фантазии у Гете». Есть такое слово - «улет». И есть люди, которые знают, что это такое. Можно сказать, что по Достоевскому (ну никак без него не обойтись!) человека, знакомого с улетом в контексте этого рассказа можно назвать «гвоздырь, гвоздыревый ты человек, вот что!» («Господин Прохарчин»). В отличие от реалиста Маяковского («гвоздь в сапоге») и от психологического реалиста Достоевского, у которого в рассказе «Хозяйка» гвоздь в стене («Огонь решимости пробежал по его жилам. Машинально отыскал он руками большой гвоздь, вбитый для чего-то в верху перегородки, возле которой постлали постель его, схватился за него и, повиснув на нем всем телом, кое-как добрался до щели, из которой выходил едва заметный свет в его комнату. Он приложил глаз к отверстию и стал глядеть, едва переводя дух от волнения»), Липскеров реалист литературный, под стать реалиям современной литературы.

Ресурсы исчерпаны

Читая недавно одну научную книгу о времени, о хаосе, проблемах конвергенции науки и искусства, я вывел для себя формулировку: литература - это последовательность букв. С точки зрения теории информации беспорядочное расположение букв допускает большую информативность, чем упорядоченное в виде слов. Иначе говоря, обезьяна, набирающая «текст» на клавиатуре; создаст более информативное сообщение, чем, например, текст «Войны и мира», так как допускает многовариантную расшифровку, раскодировку смыслов, в отличие от романа с его однозначностью фраз. Это привело к тому, о чем я уже писал ранее, а именно - литература классическая, как и многие другие области знаний, исчерпали свой ресурс. Это не означает конец литературы, науки, государства. Они, и литература тоже, стали сегодня другими. Поэтому рассказ Липскерова «Эдипов комплекс» нельзя, или невозможно прочитывать в категориях добра и зла, истин и лжи, литературы Маяковского или Достоевского.

Для новой литературы нужны иные категории оценки, а если никакая оценка не подходит, то нужна ли вообще она? Нужна ли оценка вообще, если оценок может быть много? Чтобы дать оценку литературе ее надо читать всю? Или достаточно несколько рассказов, и обсуждаемый рассказ один из них?

Исчерпаны ресурсы метафор и аллегорий. Поэтому было бы большой ошибкой придавать гвоздю в этом рассказе некий смысл. Гвоздь у Маяковского и Достоевского – метафора, а в рассказе – элемент, скрепляющий в буквальном смысле время и его изображение.

Трансформер

Рассказ «Эдипов комплекс» – трансформер. Почему? Потому что из-за отсутствия жестких сюжетных, смысловых, логических связей между частями рассказа, их можно переставлять. И ничего не произойдет. Это не ошибка автора, это свойство литературы. Именно такие свойства литературы и приходится сегодня исследовать.

Откуда у литературы появилось такое ранее не заметное качество? От того ли, что Липскеров так написал, а значит и литература стала таковой? Конечно, нет. Наоборот. Липскеров чувствовал, что именно так надо писать.

Так, например, у уже упомянутых классиков цвета играли огромную определяющую ценность, Достоевский, например, придавал зеленому цвету особое значение. У Липскерова цветов почти нет. Все

цвета он обозначил физическим, техногенным определением в самом начале и в конце рассказа - «разводы бензина в воде».

Бери, читатель, любой цвет из этой радуги, какой хочешь. Из разных версий происхождения впадины во лбу - бери, читатель, ту, которая по нраву. Если рассказ имеет смысл, соответствующий его названию, бери его, читатель, а если найдешь, что противоречит, и его тогда тоже бери.

Интерактивная литература

Вот так литература исчерпала свой ресурс однозначного себя понимания. Читатель свободен, интерактивен по отношению к последовательности букв. Рассказ Липскерова «Эдипов комплекс» можно разбомбить в пух и прах, будучи ортодоксальным литературным критиком, а можно попытаться вознести на вершину литературы, изображая из себя новомодного критика. Я не отношусь ни к тем, ни к другим, я отношусь к свободным читателям, позволяющим себе читать, что хочется, чтобы получить новое знание.

В отличие от гвоздя, который перестает быть гвоздем, если становится трансформером, литература остается литературой, если даже исчерпала ресурсы художественной однозначности и стала интерактивной, как житийная икона-трансформер.

Сегодняшняя жизнь человечества во многом беспорядочна, хаотична, что и обуславливает возникновение новой флуктуации в искусстве, литературе, и любое сегодняшнее произведение вносит вклад в этот процесс.

Юлия Ключинова (вологда)

БЕНЗИНОВЫЕ РАЗВОДЫ

Рыбы бегают по дну, не поймашь ни одну.

детский фольклор

Рассказ «Эдипов комплекс» собственно рассказом можно назвать с натяжкой. Даже с трудом. Как трудно назвать лоскутный коврик ковром персидским.

Воистину – это лоскутный коврик из фрагментов некоей жизни, как реальных, так и иллюзорных, и размышлений о жизни одной и жизни в общефилософском плане. Фрагменты эти, яркие и своеобразные каждый по отдельности, составляют на удивление гармоничную по оттенкам картину. Так гармоничны лоскутки ткани, никуда сами по себе не годные, но любовно сохраненные хорошей хозяйкой и спитые ею в единое целое. Целое, предназначенное не только для утилитарных (под ноги стелить), но и эстетических (глаз радовать) целей, и даже представляющее собой ценный этнографический материал. Лоскутный коврик, словом. Тряпичная мозаика.

Мозаика рассказа «Эдипов комплекс», о которой идет речь, составлена из стилистически близких элементов, соединенных весьма необычным способом: они закреплены на основе сцементированного времени, где прошлое густо замешено на будущем, и это, думается мне, не случайно. Ибо время, увиденное глазами рыбки, не имеет градаций. Оно – река, а рыбка – житель реки и вольна плыть куда захочет...

Здесь можно подойти наконец к образу главного героя, который (герой, а не образ) настолько бездумно живет и вспоминает, что читателя не шокирует даже пресловутая дырка во лбу. Ну, подумаешь, пробитая чакра. Вылетел дух, да и Бог с ним.

Подобное бездумное состояние как раз характерно для «маленькой глупой рыбки в широкой реке с жаркими водами». Единственное, что оживляет его, - это тяга героя к коллекционированию «самоубийств с фантазией». Некое извращенное удовольствие, закономерно завершающееся собственным героя самоубийством (с гипотетическим, однако, возрождением в реке жизни, показанным через образ все той же рыбки).

Все сливается в рыбьих глазах, не ведающих времени. История жизни матери. Вымышленная (или нет?) сестра. Эпизодический отец. Друг-доктор. Сосед. Дочь соседа... Нет для рыбки разницы между собою и другими рыбками – все они одинаковы, у всех хвосты их жизнью «словно разводы бензина в воде». А отсюда – Эдипов комплекс, излюбленный психиатрами фрейдистского толка, в данном случае есть Эдипов комплекс маленькой рыбки гуппи, которой все равно, кого любить, потому что любить она не умеет. Ну нет, нет у рыб разделения по поколениям, потому и «комплекс» сей для них неактуален. И как же их много, бездумных рыбок, если из-за их количества, их «хвостов», вся река жизни кажется покрытой бензиновой пленкой...

Таким вот странноватым образом предложенное вначале сравнение рассказа с лоскутным ковриком, будучи перенесено с тверди земной на зыбкую водную гладь, плавно трансформируется в сравнение с разноцветными разводами бензинового пятна на ее поверхности. Пятно это медленно колыхнется, разводы перемещаются, меняют форму и цвет, хотя и сохраняют в известной степени свои границы. Бедная рыбка гуппи... Бедные все они, маленькие рыбки, - жить в такой экологически неблагоприятной среде, собственными «черными веревочками» изгаженной... и не только жить и гибнуть, но и, как ни прискорбно, надеяться возродиться и жить дальше.

Электронный вологодский проект совместно с фондом «София» Владимира Данилова имеет цель показать в Интернете альтернативную местную музыку, живопись, литературу. Литературный раздел проекта представлен вологодскими авторами, ныне гостями «Стрекозы».

Алексей Армеев

МАЛИНОВАЯ

Пойду, залеплю в глаз прохожему –
Балдоха, прекрасный денёк,
Коль не отдаст по-хорошему
Кожаный свой кошелёк.

Выйду я – пальцы веером,
Кому-то зачесет в носу,
Просто я балуюсь «Севером»,
Не лакшил давно колбасу.

Колёса насквозь промокли,
Тоненький пиджачок.
От голода кролики сдохли.
На хазе мудило сверчок
Завёл заунывную песню –
Нервы все вытянул вон,
По бану хондору – хоть тресни.
В ушах продолжается звон.

Малиновый звон разливается –
Волшебное в цвете туше;
И пустота заполняется
В истерзанной скромной душе.

Попался бы фрэй навстречу,
Чтоб выкорчевать его
Вверх комлями, но не калечить –
Поставить шнифты на фуфло!

- А! Здравствуйте, ваше вам, ваше,
И нам ваше, что говорить,
И наше и ваше – всё наше –
До шухера будем лепить!

Александр Шаранин

АЛЛЮЗИИ

Она упала из окна, спиртное расплескав
по половицам,

И ночь была настоль темна,
Что в ней я видел демонические лица.
Глядящие с укором на меня.
Хотя за что?

За то, что мы пьяны? И молоды?
Словами не играем?
И под луной не ходим без штанов?
Рябину не грызём и отродясь не знаем,
Кто пропил рай, за сколько и кому?
Во сне она стонала у окна и плакала.
Ругалась матом,
А я всю ночь давился суррогатом,
Ведь денег нету на нормальное вино.
А утром серебрился небосвод
Химеры серый тротуар топтали...
Которая из них урод –
Нам всё равно – они не наливали.

Руфь Рафалович

Прабабака-прелюбодейка,
Научи меня жгучей страсти,
Чтоб он не ушёл от напасти!

И ты, прабабушка-ведьма,
Передай колдовскую силу,
Чтоб только меня любил он.

Две порядочные прабабки
С небес смотрят строго.
- О чём просишь, побойся Бога!

- Ваша чопорность надоела!
Я совсем от неё оскудела; -
Им сквозь зубы ворчу я глухо.
- Хочу быть ведьмой и шлюхой!

ЖДИ МЕНЯ

Жди меня. И я приеду.
Если не в четверг, то в среду,
В пятницу или в субботу.
Ты не бегай на работу
(ведь на улице дожди),
А сиди в доме и жди.

Владимир Егоров

Косноязычье с детства хрящ гортани
Пересекло - там боль души окаменелой.
О камни море чешет четверть зуба.
Скажи, о Каин, ты ли слепо в ладони глины
Первым суп отведал, и какова на вкус
Похлебка перезрелой клюквы?
Бичом молитвы бью о выступ века...
Под рыжим таинством Лилит мотыгой языка.
Коленчатым отростком плодоярки,
В улиточную патоку ушей вползает
Невидимый сперматозоид слова
В облатке чечевичной плоти.

Елена Саблина

Если ты своей любимой
Изменил хоть раз единый,
То Господь тебя накажет
И любимую отнимет.

Если ты жене зловерной
Изменяешь ежедневно,
Он вдвойне тебя накажет
И жену тебе оставит.

Когда я ходила, когда я бродила,
Когда я летела, плыла,
По Грузии нежной, над Грузией милой,
Какой я счастливой была!

Разрушены те золотые чертоги,
Потоплены те корабли,
И молча уходят печальные боги
С осыпанной пеплом земли.

Над городом чёрная кружится птица,
Она бесприютна, свободна и зла,
С неясною целью в реке отразиться,
А может перо обронить из крыла.
И чудится мне, что однажды когда-то,
Предельно постигнув себя самоё,
Душа моя стала чужой и крылатой
И вырвалась прочь через горло моё.
И чёрною птицей, свободно птицей.
Над городом сонным она поплыла
С неясною целью в реке отразиться,
А может перо обронить из крыла.

Антонина Пландовская

СБОР ВИШЕН

(отрывки из цикла)

В нарушение порядка многих из таблицы
Менделеева отпустили погулять.
Да разгулялись они: эх, туманы наши
растуманы! Элементарно крадут лучи у
солнца. Жонглируют солнцем и Луной «Мама,
смотри! Это не солнце – это луна!»

Дождевой червь завязал узел сложнее
морского.

Меня коснулась тень пролетевшей птицы.
На трубе соседнего дома кошка, она зовет того,
кто ее понимает.

Начинаются запахи цветущих сорняков

Птицы дежурят на остановке автобусной.
В раскрытую ладонь заглянула синица. Ни
крошек, ни семечек.
Мелочь монетная, почти что золото Мидаса.

Александр Розонов

кто-то сказал

“хорошо лежать смертельно раненым
и смотреть в синее небо Аустерлица”
празднично хлопает шрапнель
мелькают приткие ласточки
по лицу унылые капли спирта
на краю зрения и сознания
качается надоедливая блестящая паутинка
в ушах мается нудный звон
“меня нет!”
пытается докричаться Бог

принцесса Поднебесной
что до сих пор стоит на трех китах
любит игры постиндустриальных кентавров
одетых в нейлон и никель
восторгается голливудскими фильмами
на вечерних сеансах
в праздничном цирке
опускает большой палец вниз
требуется panem et circenses
ей не нужна ее волшебная власть
способность двигать мирами
одно ее слово может отправить в бой
легионы мартовских зайцев
с чистым сердцем на белых конях

принцесса предпочитает не ведать
отказывается от царских почестей
и мирно спит на диване
она боится огня и ветра
быть жестокой и милосердной
никто из подданных
не вправе ее осудить

дети
ташат с собой царство небесное
подобрав его в помойной яме
за километрами колючей проволоки
волокут за ноги кукол
влача скромный царственный шлейф
из синтетических волос по асфальту
самозабвенно катают крошечные машинки
со всей непосредственностью молятся
циничным божкам-атеистам
и достойным внимания идолам
походя теряют невинность и молочные зубы
дерутся целуются и плачут без особых причин
строят из песка воздушные замки...
очаровательные дети
ташат с собой...

планета земля...
планета людей...
взывания и упования
сквозь стылую толщу секунд и километров
где же
та долина неизбывного покоя
суровый Эдем
где можно тонуть в колыбель милосердия
сонные раны затягивать ряской
глаза нехотя выпьет вода
мышцы станут целебным илом
только ржавая
узловатая струна позвоночника
ещё отзывается на трубный глас
запредельной восторженной бестии
со вчерашних
блядски хохочущих звёзд
сезонный серебряный ветер
насыпает горстями
в немигающие озёра глазниц
снежные лепестки яблок,
снег клочья шёлка
рыжую осень с чахлах деревьев
жирную пыль...

Павел Воробьев ОБВОРОЖИЛА ВЕСНА

Ветвей паучий росчерк
прозрачен зимой, а ныне
застит клейкая листва
двор и дома
дарить будет опять
облака-корабли, пыль на зубы,
Ван Гога в бедном переплете
своего, затроганного.
Никнет последний лед
в дальних углах
она зовет
губкой быть, лепетать «ах».

САНКТ - ПЕТЕРБУРГ

Среди лака окон
не один, но кокон
где-то на своих окраинах
плотью спаяны

ветви лучше любого кружева
этот город – суженый
старых девушек (фасадов
им тепла не надо

на плечо она склонила голову
облака истаяли оловом
а под медною дланью высочества
расцветет одиночество
от востока западу пас
мячик солнца погас
и за текстом сырым
только море и дым

МОЛЧАНИЕ

Я упадаю без причин
в одну из розовых пучин
язык и глаз идут на кон
другого тела я лишен
язык покроет листьев гладь
тепло последнее отдать
глаза, покорные слезе,
уйдут росой для «быть везде»
когда оплачет мать дитя
я дрогну, без себя летя,
но отопреет нашу кровь
она, из одного любовь

© Раздел VoLOGDA ONLINE подготовлен
Павлом Тимофеевым.

Павел Тимофеев

КОНТАКТ

Багровый лунный глаз подмигивал закату,
И я сидел один, не нужный никому.
Похоронил любовь, переживал утрату,
Покоя не давал ни сердцу, ни уму.

Густой ультрамарин втекал в мою квартиру,
В разверстое окно и лился на паркет.
Я ненавидел всех, был ненавистен миру,
И вдруг печальный мрак прорезал яркий свет.

Я думал, то фонарь на улице зажётся,
Но фонари давно разбила малышня.
Я выглянул в окно и сразу же осёкся –
Огромный красный диск светил прям на меня.

И я оцепенел, рта не успев захлопнуть,
С которого почти слетела злая брань.
- Ба! Внеземной корабль! Чтоб мне на месте лопнуть!
Даёшь контакт миров! Даёшь прорыв за грань!
И я поднял ладонь, встал в позу президента,
Свой дружеский привет им мысленно послал.
И тут в моём мозгу зашелестела лента –
Ответно застучал межзвёздный телеграф:

«Приветствуем Тебя, Хозяин Этой Жизни!
Мы тыщу и ещё одну летели ночь.
Как жаль, что мы тебя в глубоком пессимизме
Застали на Земле, позволь тебе помочь.

Гони свою тоску в туманность Андромеды
Или ещё куда, хоть в чёрную дыру.
Взгляни со стороны, сколь мелки твои беды
И вся твоя печаль рассеется к утру».

Приняв такой совет, я с ними распрощался.
Тарелка взмыла ввысь, растаяв словно дым.
Я рухнул на кровать, три дня не просыпался,
Зато, когда я встал, я стал совсем другим.

Багровый лунный глаз висел опричь заката.
На город опускалась тумана седина.
И если вновь примчат из космоса ребята,
Ну что ж, с меня бутылка хорошего вина!

Литературный альманах «СТРЕКОЗА» ищет новых друзей!
Пишите нам по адресу: srtrekozka@yandex.ru.
Рукописи рецензируются и возвращаются

